

А.В. ВЛАСОВА

СТРУКТУРА СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская Федерация находится на этапе становления развитой рыночной экономики. Новые модели экономических отношений требуют эффективного правового обеспечения. По этой причине в России кардинально меняется гражданское законодательство, призванное урегулировать эти отношения на основе признания равенства их участников, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. В процессе создания правовых основ рыночной экономики принимаются новые законы, как комплексного характера, так и охватывающие отдельные институты гражданского права. Определяющим этапом современных преобразований в области гражданско-правового регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений стало принятие Гражданского кодекса РФ. Основные положения нового кодекса будут определять дальнейшее развитие гражданско-правового законодательства России.

Правовая реформа требует переосмысления многих теоретических проблем гражданского права. Это обусловлено тем, что фундаментальные вопросы отечественной цивилистики получили разработку в период действия старых гражданских законов. В настоящее время обновленный нормативный материал побуждает к исследованию существующих теоретических конструкций в существенно изменившихся условиях, к анализу основополагающих понятий **цивилистической** науки, к уточнению их содержания, и т. д. Иными словами, новые законоположения нуждаются в научном истолковании.

Одной из фундаментальных категорий цивилистики было и остается субъективное гражданское право. В юридической литературе вопрос о содержании и структуре субъективного гражданского права прямо или косвенно поднимался в рамках учений о гражданском правоотношении, о праве собственности, об обязательстве, исковой давности и других. Особое внимание вопросу о структуре субъективных гражданских прав было уделено в работах С.С. Алексеева, О.С. Иоффе, Е.А. Крашенинникова, А.Г. Певзнера, Ю. К. Толстого. Однако в **цивилистической** науке не было предпринято монографического исследования структуры субъективного гражданского права на материале различных субъективных прав, предусмотренных гражданским законодательством. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

В современных условиях исследование субъективного гражданского права, как и любой иной

фундаментальной правовой категории, невозможно без осмысления новых или обновленных институтов гражданского права России. Поэтому автор постоянно обращается к этим институтам, например, рассматривает составные элементы субъективного гражданского права на материале новых разновидностей вещных прав (права пожизненного наследуемого владения, постоянного пользования, **сервитутных** прав и др.), а также тех вещных прав (права хозяйственного ведения и оперативного управления), содержание которых подверглось изменениям в новом Гражданском кодексе РФ. Включение в сферу анализа такого **гражданско-правового** института, как институт ценных бумаг, позволяет по-новому подойти к решению вопроса о правовой природе принятия исполнения по обязательству - вопроса, который непосредственно связан с проблемой структуры обязательственных субъективных прав.

В настоящее время открыты пути для исследования любого правового явления в процессе его становления, с использованием конструкций зарубежных правовых систем и обращением к российскому дореволюционному опыту регулирования соответствующих отношений. Это дает возможность уяснить существо и назначение рассматриваемого явления, проанализировать различные варианты решения того или иного вопроса в гражданском законодательстве разных государств. Поэтому при анализе структурных элементов отдельных видов субъективных гражданских прав автор использует не только дореволюционное и современное гражданское законодательство России, но также законодательство Германии, Франции и других западноевропейских стран. Исследование базируется на работах отечественных и зарубежных цивилистов, процессуалистов и представителей науки общей теории права.

Сформулированные в работе положения позволяют переосмыслить существующие в науке конструкции и взгляды по целому ряду проблем. Так, например, анализируя структуру абсолютных субъективных гражданских прав, автор подвергает критике бытующую в отечественной и западноевропейской цивилистике трактовку права собственности как отношения субъекта к объекту, а также распространенное представление о субъективном праве собственности как праве, существующем вне гражданского правоотношения. При исследовании структуры относительных субъективных прав выявляются недостатки конструкции принятия исполнения по обязательству как обязанности кредитора. В заключительной главе работы показана теоретическая уязвимость позиции ученых, которые рассматривают право на иск в качестве составного элемента или особого состояния охраняемого им субъективного гражданского права.

На протяжении всего исследования проводится мысль, что структура субъективного гражданского права определяется структурой соответствующего общественного отношения, которое всегда состоит из взаимных действий его сторон, отражением и следствием чего служит то обстоятельство, что любое субъективное право с неизбежностью расчленяется на два правомочия: возможность совершения определенных действий самим **управомоченным** и возможность **управомоченного** требовать определенного поведения от обязанного лица. Материальное содержание заключенных в субъективном гражданском праве юридических возможностей зависит от характера **опосредуемого** этим правом общественного отношения. Поэтому анализ структурных элементов субъективного гражданского права показан на материале субъективных гражданских прав, входящих в различные правоотношения: абсолютные, относительные, регулятивные и охранительные. Это позволяет выявить специфику правомочий, заключенных в субъективном гражданском праве того или иного вида.

Книга сочетает в себе как теоретические, так и прикладные аспекты исследования. Опираясь на сформулированные положения, автор обосновывает ряд предложений по совершенствованию действующего российского гражданского законодательства (о необходимости изменения легального определения обязательства, об

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

исключении указания на вину кредитора как условие возложения на него обязанности возместить должнику вызванные просрочкой убытки, и др.).

Читатель этой книги познакомится со специфическими признаками субъективного гражданского права, позволяющими отличать его от смежных правовых явлений, с определением субъективного гражданского права, с подробной характеристикой отдельных видов субъективных гражданских прав, с основными проблемами теории регулятивных и охранительных субъективных гражданских прав.

Автор выражает благодарность руководству Центра Красоты и Здоровья "ТАИ С" (г. Ярославль) за помощь в опубликовании этой книги.

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Субъективное гражданское право в системе смежных правовых явлений

Субъективное гражданское право не может существовать изолированно от иных правовых явлений. Выступая в качестве самостоятельного образования, оно в то же время тесно связано со смежными правовыми явлениями, к которым относятся: объективное право, юридическая обязанность, законный интерес и правоспособность. Для достижения определенности в понимании субъективного гражданского права мы должны определить его место в системе этих явлений.

Называя право, принадлежащее конкретному лицу, субъективным, мы тем самым отграничиваем его от права объективного как совокупности правовых норм. При этом употребление термина "субъективное" не означает существования права в сфере идеально представляемого (субъективное право не менее реально, чем право объективное), но имеет своей целью указать на принадлежность этого права конкретному субъекту. Субъективное гражданское право отличается от объективного тем, что оно индивидуально, тогда как система гражданско-правовых норм есть вне личностное образование. Субъективное право опирается на право объективное, сообразовано с ним. Именно объективное право признает за субъектом определенные юридические возможности, составляющие содержание его субъективного права, и обеспечивает их своей охраной. Кроме того, объективное право устанавливает ограничения тех или иных юридических возможностей лица с тем, чтобы гарантировать соблюдение прав и интересов других лиц и общества в целом.

Возникновение субъективного гражданского права связывается гражданско-правовой нормой с наличием или отсутствием предусмотренных в ней обстоятельств (юридических фактов). Следовательно, помимо правовой нормы для возникновения субъективного права требуется также наличие определенного юридического факта или совокупности фактов (юридического состава). Вместе с тем существование у лица субъективного права невозможно при отсутствии у него правоспособности. Отсюда следует, что возникновение любого субъективного гражданского права является результатом взаимодействия гражданско-правовой нормы, гражданской правоспособности и юридического факта².

Нормы гражданского права наделяют лиц субъективными правами и обеспечивают осуществление этих прав указанием на необходимое поведение других (обязанных) лиц. При этом правовая норма содержит в себе модель соответствующего правоотношения. С наступлением условий, предусмотренных гипотезой нормы, возникает гражданское правоотношение, соответствующее той своей модели, которая установлена диспозицией или санкцией нормы. С другой стороны, эта модель должна адекватно отражать реальное положение субъектов общественного отношения и фиксировать то поведение, которое необходимо для удовлетворения законного интереса

управомоченного лица.

Установленная гражданско-правовой нормой мера возможного поведения лишь тогда составляет субъективное гражданское право, когда ее реализация управомоченным лицом поставлена в зависимость от поведения других лиц. Иными словами, субъективное гражданское право есть такая мера возможного поведения, которая обеспечена возложенной на кого-либо юридической обязанностью. Именно потому, что тот, кто существует под властью субъективного гражданского права, является обязанным по отношению к его носителю, возникает система гражданских прав и обязанностей (система правоотношений), объединяющая людей между собой³.

Существование любого гражданского правоотношения обусловлено невозможностью удовлетворения интереса управомоченного без соответствующего поведения (действия или бездействия) обязанного лица, поведения, которое сам управомоченный совершить не в состоянии. Поэтому управомоченный должен иметь возможность распоряжаться как своими действиями, так и чужим поведением обязанной стороны правоотношения. Но если осуществление субъективного гражданского права невозможно без соответствующего поведения обязанного лица, то и характеристика этого права невозможна без характеристики корреспондирующей ему юридической обязанности и ее материального содержания.

В зависимости от вида правоотношения выделяют различные формы должного поведения обязанного лица. Регулятивные гражданские правоотношения⁴, опосредствующие нормальное развертывание имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, являются либо абсолютными, либо относительными правоотношениями. В абсолютных правоотношениях должное поведение выражается в форме *facere*, а в относительных правоотношениях (наиболее типичными из которых являются обязательства) - чаще всего в форме *facere*. В охранительных гражданских правоотношениях должное поведение выступает либо в форме претерпевания (pall) правообязанным односторонних действий управомоченного лица по защите своего регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса, либо в форме положительного действия (*facere*), направленного на реализацию искового притязания⁵. Таким образом, с учетом характера юридических обязанностей, заключенных в регулятивных и охранительных, абсолютных и относительных гражданских правоотношениях, определяется специфика соответствующих этим обязанностям субъективных гражданских прав.

В юридической литературе было высказано мнение, будто абсолютное субъективное гражданское право, в частности право собственности, существует вне правоотношения⁶. Обосновывая этот взгляд, Д.М. Генкин писал: "Нам представляется, что определение субъективного права собственности как элемента правоотношений носителя права собственности с неопределенным числом обязанных лиц требует критического пересмотра. Что представляет из себя правоотношение с неопределенным составом обязанных лиц? Мы полагаем, что правоотношение всегда должно быть конкретно в том смысле, что содержанием его являются права и обязанности определенных лиц. Не может быть правоотношение с неопределенным составом обязанных лиц, т. е. любых лиц. Всеобщая обязанность устанавливается непосредственно законом, нормой права, а не является элементом бесконечного числа правоотношений с неопределенным числом лиц".

Однако эти доводы не могут поколебать традиционное представление о существовании абсолютных гражданских правоотношений. Основной недостаток рассуждений автора состоит в том, что он смешивает численность обязанных лиц с их конкретностью. Критикуя позицию ученого по этому вопросу, О.С. Иоффе правильно отмечал: "Круг обязанных в правоотношениях собственности определяется достаточно конкретно, когда

закон запрещает всем посягать на принадлежащие кому-либо собственнические правомочия. Из этой конкретности проистекают и важные юридические последствия: перед собственником должен отвечать каждый, кто нарушил его право. Возложение ответственности перед собственником на каждого как раз и означает, что еще до совершения правонарушения они были связаны друг с другом правовыми отношениями"

Сказанное свидетельствует о том, что право собственности, как и любое абсолютное субъективное право, существует в рамках гражданского правоотношения. Поэтому реализация абсолютного субъективного права находится в прямой зависимости от соответствующего поведения обязанных лиц. Так, **управомоченный** в правоотношении собственности владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом именно потому, что обязанные лица воздерживаются от совершения действий, которые мешали бы ему владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом.

Поскольку право собственности является элементом абсолютного правоотношения, его нельзя рассматривать как **отношение** лица к вещи. В противном случае не было бы смысла описывать это отношение как правовое, а возможности собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом закреплять в качестве правомочий. Правовые нормы всегда воздействуют на поведение участников того или иного общественного отношения. Отрицание этого положения приводит к нелепому выводу, будто правоотношение собственности как отношение **между** субъектами возникает только в момент нарушения права собственности.

Нельзя, на наш взгляд, рассматривать как существующие вне гражданского правоотношения и субъективные права на совершение одностороннего волеизъявления (например, регулятивное право выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве, охранительное право на отказ от договора ввиду его нарушения контрагентом)¹⁰. Хотя обязанные лица в этих случаях и не способны воспрепятствовать **управомоченному** в осуществлении его права, тем не менее обязанность здесь может быть охарактеризована как необходимость претерпевания **правообязанным** лицом односторонних действий носителя права в охранительном правоотношении и квазипретерпевания - в регулятивном правоотношении¹¹.

Таким образом, субъективное гражданское право, находясь в пределах конкретного гражданского правоотношения, всегда противостоит гражданско-правовой обязанности. В границах, установленных объективным правом, **управомоченный** имеет возможность совершать те или иные действия, а также определенным образом использовать в своих целях поведение обязанного лица.

При исследовании содержания субъективных гражданских прав нельзя обойти вниманием и вопрос о значении интереса для субъективного права. Является ли интерес предпосылкой или целью права, находясь за его пределами, или же элементом субъективного права?

Устанавливая примат интереса **управомоченного** над его волей, **О.С. Иоффе** отводит интересу роль "одного из элементов содержания субъективного права"¹². Однако, выступая формой выражения интереса и средством его осуществления или защиты, субъективное право не содержит интерес в качестве элемента своего содержания. Ведь интерес и опосредствующее его удовлетворение субъективное право связаны друг с другом как цель и средство ее достижения, а цель никогда не может служить составной частью средства, которое по отношению к цели "имеет вид некоторого внешнего наличного бытия"¹³. Кроме того, наличие интереса у обладателя того или иного субъективного права не имеет юридического значения для признания его **управомоченным**. В противном случае, как справедливо замечает **В.А. Тархов**, для осуществления и защиты своего права субъекту нужно было бы доказывать не только

наличие права, но и наличие интереса, что противоречит духу нашего права¹⁴. Представление О.С. Иоффе о соотношении субъективного гражданского права и интереса не находит подтверждения в правовых нормах. Например, то или иное вещное право продолжает существовать и тогда, когда объект этого права (вещь) становится бесполезным для управомоченного¹⁵. Таким образом, интерес нельзя рассматривать в качестве элемента субъективного права. Если же считать интерес пользой, к которой стремится управомоченный и на достижение которой направлена его воля, то и в этом смысле интерес составляет цель, а опять-таки не элемент содержания субъективного права¹⁶. В то же время удовлетворение интереса, означающее достижение цели субъективного гражданского права, имеет место лишь тогда, когда наступает фактическое состояние, которое соответствует содержанию права¹⁷. Иными словами, факт удовлетворения интереса в данном случае является показателем осуществления субъективного гражданского права, реализации заключенных в нем правомочий.

Итак, интерес существует за пределами субъективного гражданского права, являясь, как правило, предпосылкой этого права и его целью, для достижения которой управомоченный совершает те или иные действия. Интерес, удовлетворяемый посредством субъективного права, не может служить составным элементом этого права.

Поскольку удовлетворение интереса управомоченного может произойти лишь в результате общенаправленного поведения обеих сторон правоотношения, обладатель субъективного права должен иметь две конкретные юридические возможности: возможность распоряжаться своими собственными действиями и возможность распоряжаться поведением обязанного лица. Наличие в содержании субъективного гражданского права указанных возможностей, обеспечивающих удовлетворение интереса правообладателя и связывающих его с обязанным лицом или лицами в рамках конкретного правоотношения, позволяет отграничить субъективное гражданское право от гражданской правоспособности.

В цивилистической литературе бытует мнение, будто правоспособность представляет собой особое субъективное право; при этом субъективное право рассматривается как конкретная возможность по отношению к абстрактной возможности - правоспособности, где последняя - сущность, а первая - проявление сущности¹⁸. Согласиться с этим мнением нельзя. Гражданская правоспособность представляет собой способность иметь предусмотренные гражданским законом права и нести гражданско-правовые обязанности (п. 1 ст. 17 ГК РФ). В отличие от субъективных гражданских прав она не содержит в себе возможность требовать определенного поведения от обязанного лица или лиц¹⁹. Кроме того, для возникновения субъективного гражданского права у того или иного лица помимо правоспособности требуется также наличие юридического факта или совокупности фактов. В связи с этим субъективное право не может быть отождествлено с одной из обосновывающих его предпосылок. Гражданская правоспособность - это не "право на право" и не мера дозволенного субъекту права поведения, а общественно-юридическое свойство субъекта, которое отличается от обуславливаемого им (совместно с нормой права и юридическим фактом) субъективного гражданского права: последнее есть мера возможного поведения лица в конкретном гражданском правоотношении, которая обеспечивается юридической обязанностью, возложенной на другую сторону правоотношения, тогда как гражданская правоспособность как способность к правообладанию не является элементом какого-либо правоотношения и не связывает своего носителя с каким-либо обязанным лицом.

После того как мы определили место, занимаемое субъективным гражданским правом в системе смежных правовых явлений, необходимо приступить к выявлению и общей характеристике элементов субъективного

§ 2. Состав и общая характеристика элементов субъективного гражданского права

Субъективное гражданское право представляет собой сложное правовое явление. В его составе принято выделять юридические возможности, предоставленные субъекту правовой нормой и именуемые правомочиями²⁰. При этом субъективное право в целом понимается не столько как правовое образование с определенным количеством составных частей, т. е. не как сумма правомочий, сколько как единство равнозначных возможностей, при котором "каждое правомочие оформляет отдельное правовое действие какого-либо типа"²¹.

Анализируя составляющие субъективное право правомочия, И. Колер отмечал, что "правомочия в зависимости от вида прав различны и должны описываться в сочетании с ними"²². Действительно, правомочия, входящие в состав абсолютного субъективного права, по своему материальному содержанию отличны от правомочий, составляющих относительное субъективное право. Однако и абсолютные и

относительные субъективные гражданские права с необходимостью включают в себя два правомочия: возможность совершения определенных действий самим управомоченным и возможность управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица.

Это объясняется следующим. Субъективное право предоставляется лицу в целях удовлетворения его интереса. Последний связывает лицо с другими членами гражданского общества. Поэтому и реализация интереса может произойти только в результате общих усилий связанных им лиц, т. е. действиями как одной, так и другой стороны общественного отношения. Так, например, удовлетворение интереса собственника во владении, пользовании и распоряжении своим имуществом опосредствуется волевыми актами собственника и противостоящих ему третьих Лиц; реализация интереса покупателя в приобретении вещи предполагает совершение определенных действий каждым из договорных контрагентов; и т. д. Однако для того, чтобы соответствующий интерес мог быть удовлетворен, управомоченный должен иметь возможность распоряжаться не только своими действиями, но и чужими действиями противоположной стороны, которые он сам совершить не в состоянии. Отображением и следствием этого служит то обстоятельство, что любое субъективное гражданское право с неизбежностью расчленяется на два указанных выше правомочия²³.

В правоотношениях пассивного типа, элементом которых является абсолютное субъективное право, ярко проявляется правомочие на собственные действия обладателя права и менее заметна обязанность других лиц воздерживаться от нарушения этого права, которая связана с последним через правомочие требования. Вследствие этого создается иллюзия отсутствия такой обязанности, а соответственно, и отсутствия правомочия требования в содержании абсолютного субъективного права. Поэтому возникает представление о возможности существования таких субъективных прав вне правоотношений. Однако, как уже было отмечено выше, удовлетворение интереса управомоченного в подобном правоотношении опосредствуется как действиями обладателя права, так и воздержанием третьих лиц от совершения определенных действий. Следовательно, без возложения обязанности по *facere* на субъектов, противостоящих управомоченному - собственнику или обладателю других вещных прав, само осуществление предоставленных им правомочий, равно как и удовлетворение их интереса, было бы невозможным.

Действия **управомоченного** в правоотношении собственности совершаются в осуществление трех возможностей: владения, пользования и распоряжения вещью. Каждая из этих возможностей, взятая сама по себе, есть нечто меньшее) чем правомочие собственника на совершение положительных действий, подобно тому, как последнее есть нечто меньшее, чем субъективное право собственности. В связи с этим в литературе было предложено называть такие возможности субправомочиями ²⁴.

Иные вещные права отличаются от субъективного права собственности менее полным объемом правомочия обладателя права на свои действия. Последнее, как правило, ограничивается каким-либо одним или несколькими из указанных субправомочий. Поскольку право собственности предоставляет своему обладателю наиболее широкие возможности в отношении вещи, то всякое иное вещное право можно считать образовавшимся из некоторых одноименных с субправомочиями собственника элементов.

Ввиду того, что абсолютные субъективные права существуют в рамках гражданских правоотношений, их содержание не ограничивается названными выше юридическими возможностями. Эти права заключают в себе также правомочие требования, которое обязывает всех третьих лиц не препятствовать **правообладателю** в осуществлении правомочия на свои собственные действия. Через правомочие требования **абсолютное** субъективное право в целом сопрягается с соответствующей ему юридической обязанностью ²⁵.

В правоотношениях активного типа, элементом которых является относительное субъективное право, напротив, на первый план выступает правомочие требования. Поэтому в содержании относительного субъективного гражданского права выделяют подчас лишь одно это правомочие. Подобная точка зрения является довольно распространенной в отечественной и зарубежной цивилистике. В частности, содержание обязательства, представляющего собой разновидность относительного гражданского правоотношения, обычно сводят только к правомочию требования и корреспондирующей ему юридической обязанности должника. Так, например, **И.Б. Новицкий** и **Л.А. Лунц** говорят: "Содержание обязательства составляют ... правомочие кредитора требовать совершения (или не совершения) должником каких-либо действий и обязанность должника их совершить (или не совершать)" ²⁶. Ту же самую мысль проводит **Р. Саватье**: "Требование и обязательство - две стороны правоотношения, связывающего кредитора с должником. Это отношение называется требованием, если мы рассматриваем его с точки зрения кредитора (активная сторона отношения), или обязательством, если мы рассматриваем его с точки зрения должника (пассивная сторона)" ²⁷. Из сказанного видно, что относительное гражданское право довольно часто отождествляют с правомочием требования. Подобные представления о содержании относительного субъективного гражданского права в ряде случаев **объясняются** тем, что нормы, регулирующие соответствующие общественные **отношения**, сконструированы по типу обязывающих. В соответствии с этим приходят к выводу, что в относительных правоотношениях "позитивное содержание правоотношения раскрывается через обязанности", а "субъективное право ... представляет собой правомочие требовать исполнения активной обязанности"²⁸. Действия же **управомоченного**, направленные на удовлетворение его интереса в такого рода правоотношениях (например, действия по принятию предмета исполнения), рассматриваются в качестве средства реализации правомочия требования ²⁹.

Уязвимость изложенной позиции обнаруживается при исследовании материального содержания правомочия требования в активном правоотношении. Это правомочие характеризуется тем, что его невозможно реализовать без одновременной реализации корреспондирующей ему юридической обязанности. Сказанное свидетельствует о

единстве материального содержания правомочия требования и юридической обязанности, заключающегося в совершении определенных действий должником. Иными словами, объектом правомочия требования здесь выступает поведение обязанного лица, и то, что должен делать обязанный, является одновременно тем, чего от него может потребовать **управомоченный**³⁰. Так, например, в заемном обязательстве правомочие требования реализуется действиями заемщика по возвращению предмета долга. В то же время одних только действий должника для удовлетворения интереса кредитора в своевременном погашении долга договорным контрагентом явно недостаточно. Совершение должником действий во исполнение юридической обязанности создает для кредитора лишь возможность удовлетворения интереса, которая еще не совпадает с его фактическим удовлетворением. Последнее наступит лишь после того, как кредитор примет предложенное ему **исполнение**. Но действие кредитора по принятию исполнения не может служить средством реализации его правомочия требования, так как последнее всегда реализуется действиями должника. Следовательно, действие кредитора по принятию исполнения может рассматриваться лишь как средство осуществления правомочия на его собственные положительные действия³¹.

Удовлетворение интереса управомоченного лица в большинстве относительных правоотношений опосредствуется действиями обязанной стороны. Но и в тех случаях, когда в такого рода правоотношениях на первый план выступают действия самого управомоченного (например, действия в осуществление субъективных прав на совершение односторонних волеизъявлений), существование определенной юридической обязанности не должно исключаться. Так, например, охранительное право кредитора отказаться от договора ввиду его нарушения другой стороной сопряжено с обязанностью договорного контрагента претерпевать односторонние действия управомоченного лица по защите своего охраняемого законом интереса. В свою очередь, таким регулятивным правам на совершение односторонних волеизъявлений, как праву выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве и праву зачета встречного однородного требования, корреспондируют юридические обязанности, материальным содержанием которых выступает поведение в форме квазипретерпевания.

Субъективные права на совершение односторонних волеизъявлений, вопреки противоположному мнению А. Г. Певз-нера и С.С. Алексеева³², не являются правомочиями, которые входят в состав "основных" субъективных прав в качестве **дополнительных** юридических возможностей. Эти права возникают при наличии специальных юридических фактов, не имеющих в большинстве случаев ничего общего с теми юридическими фактами, на которых базируются основные правоотношения. Кроме того, таким правам корреспондируют юридические обязанности совершенно иного характера, нежели те, которые связаны с "основными" субъективными правами. Так, например, право выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве сопряжено с обязанностью квазипретерпевания, а не с той обязанностью, которая входит в содержание этого обязательства и является обязанностью **facere**³³. Сказанное свидетельствует о том, что права на совершение односторонних волеизъявлений представляют собой самостоятельные относительные субъективные гражданские права³⁴.

Поскольку правомочие требования осуществляется исключительно действиями обязанного лица, материальное содержание этого правомочия не могут составлять какие-либо действия **правообладателя**. Иного мнения по этому вопросу придерживается С.С. Алексеев, который трактует правомочие требования как "возможность требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности"³⁵. Однако автор не учитывает того обстоятельства, что действие **управомоченного** по заявлению требования не является средством осуществления правомочия

требования, так как последнее может быть реализовано только действиями должника. Заявляя требование обязанному лицу, **управомоченный** осуществляет не свое правомочие требования, а принадлежащую ему возможность предъявить это требование, которая входит в содержание его относительного субъективного права в качестве самостоятельного элемента ³⁶.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что интерес управомоченного в относительном гражданском правоотношении удовлетворяется не только поведением обязанного лица, но и определенными действиями носителя субъективного гражданского права.

Стремясь подчеркнуть значение положительных действий обладателя права в относительном правоотношении, **О.С. Иоффе** прибегает к следующей иллюстрации: "Для удовлетворения интересов нанимателя в договоре имущественного найма необходима не только передача ему вещи **наймодателем** (положительные действия должника), но и использование ее нанимателем (положительные действия кредитора)³⁷. Однако трактовка действий нанимателя по использованию наемной вещи в качестве средства осуществления принадлежащего ему обязательственного права не выдерживает критической проверки. Указанные действия нанимателя служат средством реализации его ограниченного вещного права, которое предоставляет нанимателю возможность владеть и пользоваться переданной ему вещью в пределах срока найма, а также требовать от всех третьих лиц, в том числе и **наймодателя**, воздерживаться от совершения действий, которые мешали бы **управомоченному** осуществлять владение и пользование наемным имуществом. Что же касается правомочия на собственные положительные действия как элемента обязательственного субъективного права нанимателя, то оно реализуется посредством действий нанимателя по принятию вещи, передаваемой ему **наймодателем**.

Таким образом, любое относительное субъективное гражданское право имеет в качестве обязательных элементов своей структуры правомочие на совершение положительных действий самим **правообладателем** и правомочие требования³⁸. Последнее проявляется здесь наиболее ярко, нежели в структуре абсолютных субъективных гражданских прав. Но это не отрицает существования **первого** правомочия, которое может обнимать собой два субп правомочия: возможность заявить требование обязанному лицу и возможность принять предложенное им исполнение.

Помимо указанных правомочий в содержание субъективного гражданского права зачастую включают третий элемент - право на иск, или притязание, под которым понимают возможность **управомоченного** требовать принудительного осуществления своего права помимо и против воли обязанного лица³⁹. Не останавливаясь подробно на рассмотрении этого вопроса⁴⁰, отметим лишь, что притязание является не составным элементом охраняемого им субъективного права, а самостоятельным охранительным субъективным гражданским правом, которое состоит из тех же правомочий, что и регулятивное субъективное гражданское право.

Выявив структурные элементы абсолютных и относительных субъективных гражданских прав, мы можем обратиться к определению понятия **субъективного** гражданского права.

§ 3. Определение субъективного гражданского права

В юридической литературе имеется множество различных определений субъективного гражданского права.

Большинство российских цивилистов определяет субъективное гражданское право через указание на то, что оно является мерой возможного поведения. В основе такого подхода лежит формулировка С.Н. Братуся, который впервые в советской цивилистике определил субъективное гражданское право как "признанную и обеспеченную законом меру возможного поведения лица"⁴¹.

Оспаривая допустимость использования категории "мера" в определении субъективного права, С.Ф. Кечекьян пишет: "Мера - понятие количественное, предполагающее соизмеримость различных величин. Между тем возможности действия, обеспечиваемые законом, весьма многообразны и совершенно несоизмеримы"⁴². Однако с этим замечанием вряд ли можно согласиться. Использование категории "мера" в определении субъективного гражданского права преследует иные цели. Как справедливо отмечает Ю.К. Толстой, "о мере возможного поведения говорят отнюдь не для сравнения одного субъективного права с другим, а для определения тех пределов, в каких управомоченный может действовать"⁴³.

Другой известный теоретик, Н.Г. Александров, предлагает дополнить определение С.Н. Братуся указанием не только на меру, но и на вид возможного поведения, исходя из того, что категория "мера" характеризует субъективное право только с количественной стороны⁴⁴. По нашему мнению, категория "мера" является довольно емкой. С одной стороны, она характеризует субъективное право как сложное структурное образование, состоящее из ряда элементов. С другой стороны, она употребляется и для качественной характеристики субъективного права, так как способствует пониманию последнего как возможности определенного поведения. Таким образом, обозначение "мера возможного поведения" вводится в определение субъективного гражданского права для его количественно-качественной характеристики⁴⁵. Поэтому использование в определении категории "вид" возможного поведения является излишним.

Определение есть логическая операция, призванная раскрыть содержание определяемого явления⁴⁶. Отсюда следует, что в определении субъективного гражданского права должно фиксироваться как первое, так и второе из составляющих его правомочий⁴⁷. Между тем в научной литературе достаточно часто встречаются такие дефиниции, в которых содержание субъективного права сводится к какой-либо одной из заключенных в нем юридических возможностей.

Так, например, Н.Д. Егоров определяет субъективное гражданское право как "юридически обеспеченную возможность управомоченного требовать в установленных пределах определенного поведения от обязанного лица"⁴⁸. Приведенное определение страдает тем дефектом, что не покрывает содержание конкретных разновидностей субъективных гражданских прав. В частности, оно совершенно не применимо к вещным правам, например к праву собственности (поскольку не отражает принадлежащие собственнику субправа по владению, пользованию и распоряжению имуществом) и к правам на совершение односторонних действий, например к праву удержания и праву выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве (так как не охватывает заключенное в них правомочие правообладателя на собственные положительные действия).

Более точной является дефиниция, разработанная Ю.К. Толстым. "...Субъективное право, - пишет автор, - может быть определено как закрепленная за управомоченным в целях удовлетворения его интересов мера возможного поведения в данном правоотношении, обеспеченная возложением обязанностей на других лиц"⁴⁹. Это определение, дающее общее представление о субъективном гражданском праве, свободно от тех недостатков, которые присущи определению, предложенному Н.Д. Егоровым. В самом деле, какое бы из заключенных в субъективном праве

правомочий мы ни взяли, по своему юридическому содержанию оно является не чем иным, как мерой возможного поведения. Однако эта дефиниция не отражает структуру субъективного права⁵⁰ и, как следствие этого, не выявляет его материальное содержание, т. е. те действия управомоченного и обязанного лица, в которых право находит свое осуществление. Из определения Ю.К. Толстого логически следует, что субъективное право в целом и каждый из его элементов в отдельности осуществляется действиями самого правообладателя. Между тем правомочие требования, которое входит в состав любого субъективного гражданского права, может быть реализовано только поведением обязанного лица - поведением, которое выступает частью материального содержания соответствующего субъективного права. Следовательно, для того, чтобы определение субъективного гражданского права отражало как юридическое, так и материальное содержание определяемого явления, оно должно фиксировать в себе оба правомочия, из которых состоит субъективное гражданское право, т. е. должно фиксировать правомочие на свои и правомочие на чужие действия.

Наряду с правомочиями в определении необходимо включать указание на интерес, в целях удовлетворения которого лицу предоставляется мера возможного поведения. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, учет момента интереса в понятии субъективного права позволяет с большей полнотой определить значение права в системе общественных отношений, его роль как юридического средства обеспечения жизненных интересов и таким путем связать анализ субъективных прав с реальными отношениями, а в конечном счете - с экономическим базисом общества⁵¹.

С учетом сказанного субъективное гражданское право можно определить как предоставленную лицу в целях удовлетворения его законного интереса меру возможного поведения, которая заключается в возможности совершения определенных действий самим управомоченным и в возможности управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица или лиц⁵².

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОГО ПОСТРОЕНИЯ АБСОЛЮТНЫХ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

§ 1. Содержание абсолютных субъективных гражданских прав

Выявление особенностей структурного построения абсолютных субъективных гражданских прав предполагает определение количества составляющих их элементов - юридических возможностей, предоставленных обладателю абсолютного субъективного права в целях удовлетворения его законного интереса, а также установление формы взаимосвязи этих возможностей и их характерных свойств. При этом необходимо учитывать содержание опосредуемого абсолютным субъективным гражданским правом общественного отношения, степень связанности этого субъективного права с его носителем, круг противостоящих управомоченному обязанных лиц и специфические средства защиты абсолютного субъективного права.

К абсолютным субъективным гражданским правам традиционно относят некоторые имущественные права, а именно: право собственности и другие права на вещи (вещные права), а также личные неимущественные права (например, авторские и изобретательские права, неразрывно связанные с личностью автора и изобретателя)¹.

Для всякого абсолютного права характерна наибольшая по сравнению с другими субъективными гражданскими правами степень связанности управомоченного с принадлежащим ему правом. Это проявляется в том, что в процессе осуществления абсолютных прав на первый план выступают собственные действия их обладателей. Однако отмеченное обстоятельство не дает оснований рассматривать абсолютные субъективные гражданские права как права, существующие вне правоотношений.

Большинство цивилистов считает, что абсолютному субъективному гражданскому праву корреспондирует юридическая обязанность *non facere*, возложенная нормой права на всех других, кроме управомоченного, лиц. Наличие множества, а не какого-либо одного или нескольких конкретных обязанных лиц, противостоящих обладателю абсолютного субъективного права, используется в качестве критерия разграничения абсолютных и относительных субъективных гражданских прав².

Абсолютные гражданские права защищаются против всякого нарушителя, что свидетельствует об особом характере их защиты. Это обстоятельство послужило причиной классификации субъективных гражданских прав на вещные и обязательственные, ибо первоначально говорили о различии *actioes in rem* (вещных исков) и *actiones in personam* (личных исков). Римские юристы упоминают именно различные иски, само же разделение прав на вещные и обязательственные было выработано позднее³.

В юридической литературе вещным признается право, обеспечивающее возможность непосредственного воздействия управомоченного на вещь, а обязательственным - право, предоставляющее возможность требовать совершения определенного действия от другого лица или лиц⁴. Поскольку вещное право может быть нарушенным всяким и каждым, оно защищается против любого нарушителя (п. 4 ст. 216 ГК РФ), в то время как обязательственное право пользуется защитой только против одного или нескольких обязанных лиц⁵.

Помимо основного свойства вещных прав, проявляющегося в характере корреспондирующей им обязанности и средствах их защиты, выделяют также иные признаки этих прав, а именно:

а) право следования, означающее сохранение вещного права на объект при изменении собственника последнего (п. 3 ст. 216 ГК РФ). Этот признак присущ всем правам на чужие вещи: сервитуту, залоговому праву, вещному праву нанимателя имущества и др.;

б) право преимущества, заключающееся в предпочтении вещного права перед обязательственным в отношении одного и того же объекта в случае коллизии этих прав. Оно находит наибольшее распространение в залоговом праве, обеспечивающем преимущественное перед другими кредиторами удовлетворение требования (п. 1 ст. 334 ГК РФ);

в) право старшинства, означающее большую силу того вещного права, которое первенствует во времени перед другими аналогичными правами. Этот признак также прослеживается в праве залога. Он позволяет кредитору, имеющему более раннее залоговое право, удовлетворить свои претензии к должнику преимущественно перед кредиторами, обеспечившими свое требование более поздним залогом (п. 1 ст. 342 ГК РФ).

Необходимо отметить, что природа вещных прав остается предметом дискуссии. Более того, некоторые

видные ученые выступают против выделения категории вещных прав, ссылаясь на отсутствие у них специфических признаков, которые бы позволили противопоставить эти права обязательственным правам ⁶.

В вопросе о содержании вещного права как разновидности абсолютного субъективного гражданского права наибольшее значение имеет анализ взглядов о соотношении этого права и противостоящей ему обязанности, а также о количестве заключенных в нем юридических возможностей.

Изначально теория вещного права предполагала трактовку последнего как непосредственного правового отношения субъекта права к объекту - лица к вещи. Римские юристы усматривали в нем юридическую власть лица над вещью ⁷. Эта традиционная формула вещного права получила признание в западноевропейской юридической науке и, как следствие, в гражданском законодательстве ряда европейских стран, неизменно воспроизводящем устоявшийся взгляд на природу вещного права. Так, например, содержащееся в ст. 544 Французского гражданского кодекса ⁸ определение права собственности - "право пользования и распоряжения вещами наиболее абсолютным образом" - вполне отвечает традиционным для зарубежной цивилистики представлениям об этом праве как о возможности воздействия на вещь прямо и абсолютно, без посредничества и содействия другого лица (лиц) ⁹. Подобное понимание природы вещного права можно найти и у некоторых русских правоведов. Так, И.В. Михайловский, отрицая существование какой-либо обязанности, которая бы корреспондировала праву на вещь, писал: "Юридическое отношение (основное) существует здесь между субъектом и объектом, не нуждаясь для своего бытия в другом (обязанном) субъекте; этот другой субъект может появиться лишь в производных отношениях" ¹⁰.

Римская традиция в определении вещного права продолжает находить приверженцев и в современной российской юридической науке. Например, А.А. Иванов говорит, что "если право способно воздействовать на поведение лица, не соприкасающегося в этот момент с другими лицами, то вещное право вполне может быть формой отношения лица к вещи. В рамках этого отношения влияние оказывается только на поведение (волю) субъекта ... применительно к одному (четко зафиксированному) объекту - вещи" ¹¹. Следуя тому же способу представления, В.П. Мозолин рассматривает право собственности - основное и наиболее значимое вещное право - в качестве "автономного права, находящегося за пределами гражданских правоотношений" ¹².

На наш взгляд, специфическая природа вещного права объясняется характером и способом связи, которая устанавливается между лицами по поводу известной вещи, а отнюдь не внешним отражением этой связи - отношением лица к вещи. В обоснование сказанного можно сослаться на следующие обстоятельства. Во-первых, в основе всякого права на вещь лежит определенное общественное отношение, наполняющее это право (например, право собственности) особым экономическим содержанием. Экономическая ценность права собственности состоит отнюдь не в индивидуальности той или иной вещи. Напротив, значимость последней для ее обладателя определяется общественным отношением, в которое собственник вступает со всеми третьими лицами по поводу этой вещи ¹³. Во-вторых, по справедливому замечанию Б.Н. Чичерина, "право состоит именно в том, что присвоенная вещь принадлежит ему" (субъекту) "даже когда он физически с нею не связан; только этим способом она подчиняется воле ... и может служить постоянным ее целям" ¹⁴. Иными словами, вещное право способно сохранять свою силу и при отсутствии реального воздействия лица на вещь, что наблюдается, например, в случае "голой собственности" (*dominium nudum*). Здесь право собственности продолжает существовать как юридическая возможность определенного поведения управомоченного в отношении всех третьих лиц, которая гарантируется ему объективным правом. Это

объяснимо лишь тем, что такая возможность предоставляется одному лицу против всех иных лиц, а не против вещи. В-третьих, обладатель вещного права может удовлетворить обеспечиваемый этим правом интерес лишь при условии, если третьи лица будут воздерживаться от вторжения в сферу этого права. Так, например, для того, чтобы собственник мог осуществлять владение, пользование и распоряжение своим имуществом противостоящие ему лица должны воздерживаться от совершения действий, которые мешали бы собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом¹⁵. Поэтому Ю.К. Толстой вполне правильно говорит, что "характер юридически значимого приобретает как ... собственное поведение" носителя вещного права, "так и поведение окружающих его третьих лиц"¹⁶.

Таким образом, вещное право всегда предполагает определенное отношение субъектов, в рамках которого управомоченному противостоит широкий круг лиц, обязанных воздерживаться от вторжения в сферу данного права. Лежащая на них обязанность, как правило, не обрисовывается в гражданском законе. Однако в ряде случаев правовые нормы в дефиниции некоторых вещных прав отражают отрицательный характер обязанности, противостоящей этим правам. Так, § 903 Германского гражданского уложения¹⁷, определяя право собственности, устанавливает возможность собственника обращаться с вещью по своему усмотрению и устранять других от всякого на нее воздействия.

Говоря о юридической обязанности, корреспондирующей праву собственности, отечественные цивилисты очерчивают ее следующим образом: другие лица не должны совершать таких действий, которые мешали бы собственнику осуществлять владение, пользование и распоряжение его имуществом¹⁸. В то же время, установив взаимосвязь вещного права с обязанностью *non facere*, большинство авторов не отражает ее в содержании самого этого права. В частности, в составе права собственности, как правило, не выделяют правомочие требования, через которое право в целом сопрягается с корреспондирующей ему юридической обязанностью. Так, например, Д.М. Генкин пишет: "Субъективное право собственности полностью определяется правомочиями владения, пользования и распоряжения"¹⁹. Следуя тому же подходу, О.С. Иоффе характеризует право собственности со стороны его юридического содержания только как "право владения, пользования и распоряжения средствами и продуктами производства, закрепляемое законом за индивидами или коллективами людей"²⁰.

Между тем не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться вещью лишь постольку, поскольку иные лица воздерживаются от вторжения в сферу его права. Следовательно, содержание этого права не исчерпывается правомочиями собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом. Право собственности включает в себе также и правомочие требовать определенного поведения от всех третьих лиц²¹. Сообразно с этим русские и зарубежные цивилисты фиксировали две стороны права собственности -- положительную и отрицательную: "В силу положительной стороны собственник имеет право распоряжаться вещью по произволу, даже уничтожить ее. В силу отрицательной стороны он может устранить всякого несобственника от воздействия на вещь"²².

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что удовлетворение интереса управомоченного в абсолютном правоотношении опосредствуется не только его собственными действиями, но и соответствующим поведением обязанных лиц. Поэтому абсолютные субъективные права предоставляют своему носителю два правомочия: возможность совершать определенные действия в отношении объекта права и возможность требовать от

обязанных лиц воздерживаться от действий, препятствующих управомоченному в осуществлении первой возможности.

§ 2. Составные элементы права собственности

Для выявления особенностей содержания субъективного права собственности как вещного права его необходимо сопоставить с правами на чужие вещи (ограниченными вещными правами). В отличие от других вещных прав право собственности предоставляет своему носителю в отношении объекта права такое число юридических возможностей, какое только может быть установлено правовой нормой в пользу обладателя права на вещь. Хотя гражданское законодательство и допускает отдельные ограничения применительно к субъективному праву собственности, само это право всегда остается наиболее полным вещным правом.

Наличие в праве собственности наибольшего числа юридических возможностей, позволяющих собственнику всесторонне воздействовать на вещь, вызывает сложности в определении этого субъективного права, в точной обрисовке его границ.

В римском праве доклассического периода отсутствовало общее определение права собственности; указывались лишь отдельные возможности, предоставленные собственнику в отношении вещи: *ius utendi* (право пользования), *ius fruendi* (право извлечения плодов и доходов) и *ius abutendi* (право распоряжения). В классическом римском праве правом собственности признавалась полная власть (исключительное господство) лица над вещью (*plena in re potestas*). При этом некоторые из римских юристов пытались вычленить отдельные элементы в содержании этого права (Павел), а другие настаивали на единстве господства собственника над вещью и всеобщности содержания его права (Ульпиан)²³. *Jus possidendi* (право владения вещью) не упоминалось римскими юристами в числе элементов права собственности. И это имело свою причину. Дело в том, что в отличие от других возможностей, упоминаемых в источниках римского права, которые существовали лишь в качестве юридических, владение зачастую появлялось в виде чисто фактического состояния. Поэтому ему посвящались специальные правила, учитывающие как фактическую, так и юридическую сторону владения, в том числе и неотделимую от права собственности²⁴.

Источники римского права не содержат определения права собственности через перечисление указанных выше возможностей лица в отношении вещи. Однако предполагалось, что собственник бесспорно обладает всеми этими возможностями. Само право собственности определяло их существование, а не наоборот, так как упомянутые возможности не являлись и не могли являться исчерпывающими элементами этого наиболее полного вещного права. Собственнику дозволялось совершать в отношении вещи все, что прямо не было запрещено законом²⁵.

В продолжение римской традиции Code civil определяет право собственности как "право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами" (art. 544). Следуя по пути установления наиболее значимых для собственника юридических возможностей, французский законодатель выделяет в составе субъективного права собственности возможность пользования и возможность распоряжения вещью любым не противоречащим закону способом. Упомянутая в легальном определении абсолютность права собственности подразумевает наибольшую полноту его содержания по сравнению с любыми другими правами на вещь, а также независимость собственника при осуществлении принадлежащего ему права от воли других лиц.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

В ВОВ право собственности определено как возможность распоряжаться вещью по своему усмотрению и отстранять других от всякого на нее воздействия (§ 903). Хотя формально здесь избран иной способ установления содержания этого права, он не отличается от использованного в Code civil способа по смысловому значению. Действительно, подразумевая широкие возможности собственника в отношении вещи, не укладываемые в перечень отдельных правомочий, германский законодатель имеет в виду ту же абсолютность и исключительность права собственности, что и французский, но закрепляет эти признаки в несколько иной словесной формулировке.

Свойства независимости и полноты субъективного права собственности получили признание и в русском гражданском законодательстве. Традиционная для отечественной цивилистики "триада" правомочий собственника (юридические возможности владения, пользования и распоряжения объектом права) была отражена в ст. 420 т. X ч. 1 Свода законов Российской империи. Содержащаяся здесь норма гласила, что право собственности имеет тот, "кто получил власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом". Эта "триада" получила закрепление и в последующих гражданских законах России: Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 58), Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. (ст. 92), Законе РСФСР "О собственности в РСФСР" от 24 декабря 1990 г. (ст. 2) и ныне действующем Гражданском кодексе РФ (ст. 209).

Признавая за собственником юридические возможности по владению, пользованию и распоряжению имуществом, ГК РФ не раскрывает содержания каждой из них. Однако оно не вызывает споров в юридической литературе. Различные авторы дают практически одинаковое описание юридических возможностей собственника, входящих в "триаду".

Под юридической возможностью владения понимается возможность обладания вещью, т. е. осуществления физического или хозяйственного господства над нею в соответствии с законом. Реализация этой возможности предполагает наличие вещи в имущественной сфере управомоченного, несение им расходов по содержанию вещи, и т. п. Она нередко обозначается как возможность иметь у себя то или иное имущество, содержать его в своем хозяйстве.

Под юридической возможностью пользования понимается возможность извлечения из вещи ее полезных естественных свойств, что может выражаться, например, в потреблении вещи. Извлечение полезных свойств предполагает также получение фактических благ от вещи, в том числе плодов, доходов, процентов и т. п., в зависимости от ее назначения.

Под юридической возможностью распоряжения понимается возможность определения судьбы вещи путем ее уничтожения, отчуждения или отказа от права собственности на нее. В последнем случае собственник либо объявляет о своем отказе от права собственности, либо совершает другие действия, определенно свидетельствующие об его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество. Такой отказ не влечет прекращения права собственности на имущество до приобретения права собственности на него другим лицом (ст. 236 ГК РФ).

При определении содержания права собственности некоторые российские ученые не выделяют в составе этого права указанные выше юридические возможности либо дополняют "триаду" иными юридическими возможностями. В частности, А.В. Венедиктов заменяет "триаду" единственной возможностью - возможностью использования имущества²⁶. С другой стороны, В.П. Мозолин высказывает мнение о необходимости введения в содержание права собственности помимо "триады" правомочия "управления имуществом", отмечая, что "право управления относится к

категории динамических правомочий, призванных обеспечить реализацию правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом со стороны собственника" ²⁷. В юридической литературе позиция д.В. Бенедиктова по данному вопросу была оспорена К)-К- Толстым, который справедливо отмечал: "Нетрудно видеть, что определение права собственности, предложенное А.В. Бенедиктовым, менее конкретно, чем традиционное определение. Если правомочия по владению, пользованию и распоряжению конкретно говорят нам о средствах осуществления права собственности, то определение проф. Бенедиктова оставляет этот вопрос открытым" ²⁸. Что касается предложения В.П. Мозолина о выделении в праве собственности дополнительного правомочия по управлению имуществом, то оно также не приводит к более точному определению содержания этого права. Возможность управления поглощается возможностью распоряжения имуществом ²⁹. Реализация этого правомочия происходит посредством разнообразных актов поведения собственника, в том числе как действиями по управлению имуществом, так и другими не противоречащими закону действиями в отношении объекта права собственности. Если же вслед за В.П. Мозолиным рассматривать "правомочие управления" как средство осуществления правомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью, то становится непонятным, как средство осуществления правомочий может одновременно само выступать в качестве правомочия, заключенного в содержании права собственности наряду с правомочиями владения, пользования и распоряжения. В этом случае пришлось бы признать, что средство тождественно предмету осуществления.

Суммируя сказанное и принимая во внимание сделанный ранее вывод о двухэлементной структуре любого субъективного гражданского права, можно утверждать, что субъективное право собственности предоставляет своему носителю два правомочия, а именно: 1)управомочие на совершение определенных действий самим управомоченным, слагающееся из юридических возможностей по владению, пользованию и распоряжению вещью; 2)правомочие требования, которое обязывает третьих лиц воздерживаться от совершения действий, которые бы мешали собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему вещью. Как было отмечено в предыдущей главе, каждая из возможностей, входящих в состав первого правомочия, есть нечто меньшее, чем правомочие собственника на совершение собственных положительных действий. Поэтому в рамках учения о структуре субъективного права эти возможности следует называть не правомочиями, как это делают С.С. Алексеев и Н.Д. Егоров ³⁰, а субправомочиями.

Осуществление собственником указанных субправомочий может быть ограничено по ряду причин, в том числе в результате возникновения в отношении принадлежащей ему вещи ограниченного вещного права, заключающего в себе аналогичные субправомочиям собственника юридические возможности. При этом сам собственник в той или иной мере ограничивается в осуществлении своих субправомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью. Однако, будучи ограниченным в осуществлении этих юридических возможностей, собственник все же не утрачивает их. Так, например, с передачей имущества в пользование или аренду собственник хотя и лишается фактической возможности непосредственно использовать это имущество, но сохраняет возможность извлекать из него полезные свойства путем получения платы за пользование (арендной платы), т. е. известным образом пользуется вещью. Точно так же при передаче имущества другому лицу и возникновении у последнего права пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения или оперативного управления, собственник не лишается субправомочия владения этим имуществом. В противном случае гражданский закон запрещал бы собственнику истребовать вещь от лица, похитившего ее у титульного владельца. Между тем п. 1 ст. 302 ГК РФ

предоставляет право на виндикацию не только законному владельцу, но и собственнику имущества. Касаясь рассматриваемого вопроса, Ю-К- Толстой правильно замечает: "Именно это правомочие" (правомочие владения), "будучи составной частью различных субъективных прав ... и легитимирует истца на предъявление виндикационного иска. В случае удовлетворения виндикационного иска истцу "не возвращают" право владения ..., а лишь восстанавливают возможность его беспрепятственного реального осуществления"³¹.

При передаче имущества в хозяйственное ведение или оперативное управление другому субъекту собственник ограничивается не только в осуществлении субправомочий владения и пользования, но также и субправомочия распоряжения этим имуществом. Однако собственник не лишается самого субправомочия распоряжения. Так, применительно к имуществу, находящемуся в хозяйственном ведении, собственник вправе устанавливать его хозяйственное назначение, приспособлять имущество к этому назначению и изменять его назначение, а применительно к имуществу, переданному в оперативное управление, - изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению.

Сказанное свидетельствует о том, что в случае передачи вещи другому лицу, приобретшему на нее ограниченное вещное право, собственник ограничивается именно в осуществлении субправомочий владения, пользования и распоряжения вещью, тогда как юридическое содержание его субъективного права собственности остается неизменным.

В отечественной цивилистике подобная трактовка характера ограничений права собственности связана с именем Д.М. Генкина, который с полной определенностью утверждал, что в тех случаях, когда собственник временно лишается возможности использовать принадлежащие ему правомочия, что в этих случаях мы имеем дело не с лишением собственника этих правомочий, а с временной фактической невозможностью их осуществления³². Наряду с этим существует мнение, будто при возникновении имущественных прав на объект права собственности собственник передает другим лицам юридические возможности по владению, пользованию и распоряжению имуществом. При этом юридические возможности, заключенные в этих правах (в том числе и в правах на чужую вещь), рассматриваются в качестве выделенных из права собственности³³. Согласиться с этим мнением нельзя. Передавая имущество во владение, пользование и распоряжение другому лицу, собственник ограничивается в фактической возможности осуществления принадлежащих ему субправомочий, но не утрачивает ни одно из них. Равным образом, реализуя право на чужую вещь (например, право оперативного управления), управомоченный осуществляет не юридические возможности, входящие в состав права собственности, а аналогичные им возможности, заключенные в праве оперативного управления. Именно поэтому такие возможности не собственника были названы в литературе одноименными возможностями собственника³⁴.

Таким образом, при возникновении ограниченного права на чужую вещь ее собственник не лишается субправомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью, в силу чего структура субъективного права собственности не претерпевает никаких изменений. Право собственности всегда остается наиболее полным по содержанию вещным правом, даже если собственник реально не владеет, не пользуется и не распоряжается своим имуществом. Как справедливо отмечал В.И. Синайский, "неполным может быть лишь осуществление права собственности, но не самое право собственности"³⁵.

Определив характер ограничений права собственности, обратимся к рассмотрению оснований и способов его

ограничений. Последние возникают по различным причинам. В частности, собственник ограничивается в реализации некоторых субправомочий при передаче объекта права собственности хранителю или комиссионеру на соответствующих договорных условиях. Однако наиболее типичные формы ограничений собственника в осуществлении его права связаны с возникновением ограниченных вещных прав. Анализ соответствующих норм различных правовых систем и исторических периодов позволяет выявить основные способы такого рода ограничений.

Первоначально в качестве законных ограничений собственника в осуществлении его права рассматривались легальные сервитуты. В римском праве допускалось ограничение в осуществлении права собственности на земельный участок в пользу собственника соседнего участка, если нормальное использование последним своей вещи затратило имущественную сферу другого. Закон XII таблиц обязывал собственника земли допускать на свою землю соседа для сбора плодов, а также терпеть проникновение на свой земельный участок различных *immissiones* с соседнего участка. Впоследствии эти ограничения трансформировались в систему соседских прав, к числу которых относились сервитуты. Наряду с сервитутами римлянам были известны такие категории прав на чужую вещь, как *суперфиций*, *эмфитевзис* и залоговое право³⁶. Все упомянутые права так или иначе ограничивали собственника в осуществлении его права собственности.

Современное зарубежное законодательство увеличивает число ограничений, связанных с возникновением самостоятельных вещных прав на чужое имущество. Основаниями для таких ограничений служат не только прямые предписания закона или, если речь идет о земельных участках, их естественное расположение, но и соглашения между собственником и будущим обладателем ограниченного вещного права (art. 639 Code civil). Кроме того, к традиционным правам на чужую вещь (сервитуту, залоговому праву и др.) законодательство некоторых стран добавляет право доверительного собственника. Так, в англо-американской правовой системе, допускающей существование разделенной собственности, доверительный собственник обладает столь же обширными правомочиями в отношении доверенного ему имущества, как и действительный собственник. Континентальная система права, отрицающая возможность расщепления собственности между несколькими субъектами, рассматривает отношения по доверительному управлению чужой собственностью в качестве обязательственных.

Российский законодатель включает доверительное управление в число обязательственных отношений. Думается, однако, что с переходом имущества в доверительное управление у доверительного управляющего возникают не только обязательственные права, но и особое вещное право в отношении переданного ему имущества. В подтверждение сказанному можно сослаться на п. 3 ст. 1020 ГК РФ, который предоставляет доверительному управляющему вещно-правовые средства защиты его прав на имущество, находящееся в доверительном управлении. Другого взгляда придерживается Н.Д. Егоров. Анализируя права доверительного управляющего в отношении переданного в управление имущества, автор приходит к следующему выводу: "... управляющий не приобретает правомочия по владению, пользованию и распоряжению, а лишь наделяется правом осуществлять правомочия, принадлежащие учредителю доверительного управления..."³⁷. Позиция Н.Д. Егорова основывается на п. 1 ст. 1020 ГК РФ, который гласит: "Доверительный управляющий осуществляет в пределах, предусмотренных законом или договором доверительного управления имуществом, правомочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление". По нашему мнению, доверительный управляющий в данном случае приобретает самостоятельное ограниченное вещное право на имущество, находящееся в доверительном управлении. Ведь если бы

доверительный управляющий не наделялся законом юридическими возможностями вещного характера, а получал только право на осуществление правомочий собственника, то пришлось бы признать, что в случае лишения владения имуществом он может рассчитывать лишь на **посессорную** защиту. Однако управляющему в случае нарушения его прав в отношении чужого имущества предоставляются **негаторный** и **виндикационный** иски. Не подлежит никакому сомнению, что эти иски опосредствуют не посессорную, а **петиторную** защиту. Столь же ясно и то, что посредством указанных исков защищаются не обязательственные, а вещные права. Отсюда следует, что доверительный управляющий имеет субправомочие владения и другие субправомочия, одноименные тем, которые принадлежат собственнику имущества, переданного в доверительное управление.

Перечисленные ограничения собственника в осуществлении его права, как правило, носят временный характер. С отпадением этих ограничений возможность собственника реализовать принадлежащие ему субправомочия восстанавливается в полном объеме.

После того, как мы раскрыли содержание субъективного права собственности и определили характер и основания его ограничений, мы можем перейти к рассмотрению **специфических** признаков, присущих субправомочиям собственника. Обращение к этому вопросу обусловлено тем, что закон допускает существование юридических возможностей по владению, пользованию и распоряжению имуществом не только у собственника имущества, но и у других лиц - в частности, обладателей права хозяйственного ведения и права оперативного управления. Поэтому нужно установить критерии) отличающие право собственности от названных прав на чужую вещь.

Несмотря на равный набор юридических возможностей, закрепленных за собственником и субъектами указанных прав, субправомочия, заключенные в праве собственности, качественно отличаются от одноименных им субправомочий, входящих в содержание права хозяйственного ведения и права оперативного управления. Юридические возможности собственника носят особый, исключительный характер. По сравнению с ними одноименные возможности обладателя иного вещного права не имеют свойства исключительности: "они не только не "исключают" прав на это имущество самого собственника, но и возникают по его воле, а не только по воле **управомоченного** собственником лица" ³⁸. Последний связан волей собственника, который устанавливает для него пределы прав на имущество в соответствии с законом или договором. Не случайно при характеристике права собственности А.В. Венедиктов указывал на критерии "своя власть" и "свой интерес", отмечая, что "именно в сочетании своей власти и своего интереса заключается специфическое отличие права собственности от других - как вещных, так и обязательственных прав -на те же объекты" ³⁹. Собственник владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом исключительно в своих интересах, в то время как иные лица осуществляют аналогичные юридические возможности не только в своих **интересах**, но и в интересах собственника имущества. Кроме *1010*, собственник осуществляет свои правомочия в пределах, установленных законом, т. е. подчиняется в процессе реализации права собственности только требованиям закона. В **от-личие** от этого субъекты права оперативного управления и права хозяйственного ведения в процессе реализации своих правомочий подчиняются не только закону, но и указаниям собственника имущества. По этой причине и в целях наиболее полного выявления содержания субъективного права собственности некоторые ученые используют критерии "своя власть" и "свой интерес". Первый из названных критериев подчас заменяют терминологически иным, но принципиально сходным с ним указанием на возможность осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению "по своему

усмотрению" 40.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что содержание правомочия собственника на свои действия составляют субправомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом. С возникновением у другого лица права на чужое имущество собственник последнего ограничивается в осуществлении принадлежащих ему субправомочий. Однако содержание права собственности при этом остается неизменным, а с отпадением соответствующего ограничения возможность осуществления собственником своих субправомочий восстанавливается в полном объеме. В отличие от иных вещных прав право собственности включает в себе совокупность всех юридических возможностей субъекта в отношении вещи, какие только могут быть предоставлены в этом случае объективным правом. Субправомочия собственника **отличаются** от одноименных субправомочий не собственника тем, что позволяют собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в своих интересах и своей властью (по своему усмотрению). Исходя из изложенного, субъективное право собственности может быть определено как юридическая возможность лица владеть, пользоваться и **распоряжаться** своим имуществом по своему усмотрению и в своем интересе, а также требовать от всех третьих лиц воздерживаться от поведения, препятствующего ему совершать указанные действия в отношении этого имущества.

§ 3. Структурные особенности ограниченных вещных прав

Помимо субъективного права собственности к вещным правам относятся ограниченные вещные права, или права на чужую вещь. Эти права характеризуются тем, что их содержание изначально ограничено каким-либо одним или несколькими субправомочиями, одноименными субправомочиям собственника. Кроме того, составляющие их юридические возможности качественно отличаются от субправомочий, заключенных в праве собственности.

Существование ограниченных вещных прав вызвано разнообразными потребностями гражданского оборота. В настоящий момент широко распространены такие виды этих прав, как право пользования чужим имуществом и право залога. Права на чужую вещь были известны древним правовым системам ⁴¹; в преобразованном виде они переходят в современные законодательства, пополнившись новыми разновидностями. В римском праве к ограниченным вещным правам относились **сервитуты, суперфиций, эмфитевзис**, залог и ипотека. Западноевропейские правовые системы с течением времени подвергли значительным изменениям римские конструкции прав на чужую вещь, сохраняя, однако, общую **направленность** римской традиции, различающей две основные категории ограниченных вещных прав: право **пользования** чужой вещью и право на получение известной ценности из вещи (залоговое право) ⁴².

Наиболее древним среди прав на чужую вещь является сервитут (**servitus**). Сервитуты были детально изучены уже юристами Древнего Рима, которые различали **предиаль-гюэ** сервитуты, порождаемые естественным расположением земельных участков и не зависящие от личности **сервитуария**, и личные сервитуты, устанавливаемые в пользу персонифицированного субъекта. Одним из основных видов личных **сервитутов** выступает узупфрукт, т.е. право пользования чужой вещью (**uti**) и извлечения из нее плодов (**frui**) ⁴³. Французское законодательство называет сервитутом обременение, наложенное на имение в целях использования имения, принадлежащего другому лицу (art.

637 Code civil). Под именем Code civil понимается всякого рода недвижимость, а к источникам сервитута относит как естественное расположение участков, так и обязательства, установленные законом или соглашением между собственниками (art. 639). Придерживаясь римской конструкции в определении узуфрукта - право пользования вещами) право собственности на которые принадлежит другому лицу, - Code civil в то же время рассматривает узуфрукт отдельно и независимо от сервитута (art. 578). Кроме того, французский законодатель расширяет круг отношений, подпадающих под действие норм, касающихся узуфрукта, выделяя помимо собственно узуфрукта право пользования и право проживания (art. 625, 628 Code civil), каждое из которых именуется "ограниченным узуфруктом" 44.

Гражданское законодательство Российской Федерации также предусматривает возможность обременения недвижимого имущества собственника посредством ограниченного пользования этим имуществом со стороны третьего лица - **обладателя** сервитута 45. Содержание сервитута определяется в ст. 274 и 277 ГК РФ 46. В них установлен такой тип **сервитутного** права, который аналогичен римскому **предиальному** сервитуту. Однако отечественному законодательству известен и личный сервитут - право пожизненного пользования жилым домом или его частью в силу завещательного отказа (ст. 538 ГК РСФСР 1964 г.). Хотя в тексте закона это право и не именуется сервитутом, очевидно, что оно является вещным правом (на него распространено право следования) и по своему содержанию относится к числу личных сервитутов (так как представляет собой право ограниченного пользования чужим имуществом, установленное в пользу персонифицированного субъекта - **отказополучателя**).

Закрепленная в законе конструкция сервитута позволяет определить содержание этого права. Оно предоставляет своему носителю два правомочия: 1) юридическую возможность пользоваться чужой вещью известным образом (**необходимым** для хозяйственной эксплуатации вещи, находящейся в собственности **сервитуария**); 2) юридическую возможность требовать от всех третьих лиц, включая собственника вещи) воздерживаться от совершения действий, которые бы препятствовали **сервитуарию** осуществлять пользование вещью.

Узуфрукт как разновидность личного сервитута по римскому праву, получивший значение самостоятельного ограниченного вещного права во французском законодательстве, находит отражение в установленном российским гражданским законом праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (п. 3

ст. 216 ГК РФ). Содержание этого права раскрыто в ст. 269 и 270 ГК РФ. Помимо негативного правомочия требования оно предоставляет своему обладателю возможность пользования, а в трактовке российского законодателя - владения и пользования чужой вещью, в том числе с извлечением плодов из вещи (что отсутствует в известном римскому и французскому праву ограниченном вещном праве, именуемом **usus**). При этом пользование должно осуществляться способом, не изменяющим свойств и назначения вещи. Согласно ст. 270 ГК РФ **управомоченный** может также передать участок в аренду или безвозмездное срочное пользование, но только с согласия собственника.

Наиболее полным среди прав на чужую вещь в римском праве являлось право долгосрочной аренды - **эмфитевзис** 47. Оно предоставляло своему обладателю возможность пользоваться чужим земельным участком, извлекать из него **плоды** и изменять назначение участка, возможность заложить земельный участок и передать его по наследству. Российскому **гражданскому** законодательству известно право пожизненного наследуемого владения (п. 1 ст. 216 ГК РФ), которое во многом схоже с **эмфитевзисом**. Содержание права пожизненного наследуемого владения раскрывается в ст. 266 и 267 ГК РФ. Положительная сторона этого субъективного права заключается в возможности пожизненного владения и пользования земельным участком, в том числе посредством возведения на нем зданий и

сооружений с приобретением права собственности на последние, а также в возможности распоряжения участком путем передачи его в аренду или в безвозмездное срочное пользование. Ограниченный характер этого права по сравнению с правом собственности проявляется в отсутствии у его обладателя возможности заложить земельный участок и совершить в отношении него какие-либо распорядительные сделки за исключением тех, которые предусмотрены п. 1 ст. 267 ГК РФ.

К числу ограниченных прав пользования чужой вещью относится также право застройки, т.е. право возведения строения на чужом земельном участке и пользования этим строением, получившее в римском праве название *суперфиций* ⁴⁸. Право застройки было известно и гражданскому законодательству России. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. относил его к числу вещных прав; причем ограниченным вещным правом считалось не только право застройщика на земельный участок, на котором возведено строение, но и право на само строение, состоящее в возможности извлечения выгод, доставляемых строением. Анализируя это право, Я.М. Магазинер отмечал, что "застройщик имел право на строение только в составе права застройки" ⁴⁹. Поэтому отчуждение и обременение залогом были возможны не в отношении строения, но в отношении ограниченного вещного права на него - права застройки (ст. 79 ГК РСФСР 1922 г.).

Современному гражданскому законодательству России неизвестно собственно право застройки как разновидность ограниченного вещного права. Однако ранее действовавшее законодательство предоставляло гражданам - арендаторам земельных участков право возводить помещения производственного и непроизводственного назначения при условии согласования постройки с арендодателем и соблюдении правил застройки (п. 2 ст. 27 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде). Данное право являлось ограниченным вещным правом ⁵⁰, близким по своему содержанию к праву застройки.

Рассмотренные разновидности ограниченных вещных прав принадлежат к категории прав пользования чужим имуществом. В связи с изложенным возникает вопрос, можно ли относить к этим правам право нанимателя (арендатора) в отношении вещи, переданной в наем (аренду)?

Гражданский кодекс РФ не включает это право в перечень вещных прав. Вещным называют лишь право члена семьи собственника жилого помещения в отношении этого жилья (ст. 292 ГК РФ), которое по своему содержанию сходно с правом нанимателя жилого помещения. В то же время законодательство распространяет на права нанимателя по *договору* найма жилого помещения, а также на права арендатора по договору аренды и ссудополучателя по договору безвозмездного пользования в отношении имущества, переданного в наем (аренду, временное пользование), право следования (п. 1 ст. 617, ст. 675, п. 1 ст. 700 ГК РФ), которое, как известно, не присуще обязательственным правам ⁵¹.

Указанные права арендатора (нанимателя) защищаются с помощью *actio in rem*. Защита прав арендатора в отношении арендованного имущества посредством вещных исков ранее прямо предусматривалась в ст. 15 Основ законодательства об аренде. В настоящее время вещно-правовые способы защиты названных прав предоставлены нанимателям и арендаторам в силу ст. 305 ГК РФ, регламентирующей защиту прав титульных владельцев. На наш взгляд, это обстоятельство также свидетельствует о вещной природе прав нанимателя и арендатора на объект владения и пользования. Аналогичного мнения по тому же поводу придерживается Е.А. Крашенинников. Критикуя формулировку ст. 187 проекта ГК РФ, которая дословно воспроизводится в последнем предложении ст. 305 ГК РФ, автор пишет: "Последнее предложение ст. 187 проекта ... сформулировано неудачно и не согласуется с заголовком

статьи. Заложенная здесь мысль, что право на защиту предоставляется титульному владельцу для защиты "его владения", является ошибочной, ибо **юрисдикционные** органы в данном случае защищают не владение как таковое, а опосредствующие его вещные права (право ... хозяйственного ведения, право оперативного управления, право арендатора на имущество, полученное им по договору аренды, и т. д.)" (разр. моя. -А.В.)⁵².

Сам по себе факт отсутствия права арендатора или нанимателя на объект владения и пользования в **numerus clausus** вещных прав еще не означает, что эти права являются **обязательственными**, а не вещными. Давая перечень отдельных вещных прав, Гражданский кодекс РФ одновременно указывает на возможность принадлежности вещных прав на имущество лицам, не являющимся собственниками этого имущества (ч. 2 ст. 216). Это означает, что содержащийся в п. 1 ст. 216 ГК РФ перечень вещных прав не является исчерпывающим. Поэтому принадлежность того или иного права к категории вещных прав надлежит определять исходя из природы этого права.

Отечественная правовая наука неоднозначно оценивает природу рассматриваемого права нанимателя (арендатора). **О.С. Иоффе** описывает действия нанимателя по использованию переданного в наем имущества в качестве средства осуществления относительного субъективного права, входящего в состав правоотношения **активного**) типа⁵³. **Ю.К. Толстой** также не находит оснований для квалификации прав нанимателя жилого помещения в государственном и **муниципальном** жилищном фонде, равно как и прав нанимателя в отношении иного имущества, переданного в наем, в качестве вещных прав⁵⁴. Противоположного взгляда придерживаются **М.М. Агарков**, **Е.А. Крашенинников** и некоторые другие российские цивилисты. Так, например, **Ф. Вольфсон** отмечал, что, вступая в обязательственное отношение, наниматель во всех случаях приобретает вещные правомочия, так как получает право на защиту против всякого третьего лица⁵⁵. Аналогичную позицию занимает **С.С. Алексеев**: "... субъективные права, дающие **управомоченному** возможность активного поведения, - это, на наш взгляд, именно "вещные" ... правомочия в сфере **обязательственных** отношений"⁵⁶.

Будучи ограниченным вещным правом, рассматриваемое право нанимателя (арендатора) на взятое в наем (аренду) имущество имеет двучленную структуру. Субправомочия по владению и пользованию имуществом на условиях и в порядке, определяемых собственником и назначением имущества, составляют содержание правомочия нанимателя (арендатора) на свои собственные действия. Помимо этого управомоченному принадлежит правомочие требовать от всех третьих лиц воздерживаться от совершения действий, которые бы препятствовали нанимателю (арендатору) владеть и пользоваться соответствующим имуществом в течение обусловленного договором срока.

Каждое из рассмотренных выше прав пользования чужим имуществом предоставляет обладателю права более или менее широкие юридические возможности в отношении чужой вещи, которые ограничены по своему содержанию по сравнению с субправомочиями собственника. Ограничение их вещно-правового содержания состоит в следующем: в подавляющем большинстве случаев они не содержат всех субправомочий, одноименных субправомочиям собственника. Чаще всего они заключают в себе субправомочие пользования или субправомочие по владению и пользованию чужим имуществом. Что же касается юридической возможности распоряжения объектом права, то ни одно из этих прав не позволяет управомоченному производить отчуждение чужого имущества. Этим в конечном итоге и определяется специфика указанных ограниченных вещных прав.

В силу права залога **управомоченный** может получить известную ценность из чужой вещи путем ее отчуждения при определенных условиях. Залог относится к способам обеспечения исполнения обязательства. В

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

отличие от иных ограниченных вещных прав залоговое право не ценно для управомоченного само по себе, но служит одним из средств удовлетворения его интереса (как кредитора) в получении предмета долга. Поэтому право залога в подавляющем большинстве случаев не предполагает возможности управомоченного определенным образом воздействовать на чужую вещь и прекращается с отпадением обеспечиваемого им обязательства. Однако несмотря на единство цели основного обязательственного и вспомогательного залогового правоотношения, право кредитора по обязательству и его право на заложенную вещь имеют различное юридическое содержание. Отсутствие права залога в перечне вещных прав⁵⁷ не означает, что оно является обязательственным правом. Соответствующие нормы гражданского законодательства дают все основания считать его ограниченным вещным правом. О вещном характере залогового права говорят следующие правила: 1) о вещно-правовых средствах защиты права залога (ст. 347 ГК РФ); 2) о сохранении залогового права при переходе заложенного имущества к другому собственнику (ст. 353 ГК РФ); 3) о преимущественном удовлетворении требований залогодержателя по сравнению с иными кредиторами (п. 1 ст. 334 ГК РФ).

Юридическое содержание права залога с течением времени претерпевало определенные изменения. Римское право предоставляло залогодержателю довольно обширные юридические возможности в отношении чужого имущества, переданного в залог. Анализируя римские конструкции залогового права, К. Барон пишет: "При залоге телесных вещей залогопринимателю, по общему правилу, принадлежат два права: право на владение и право продажи; иногда ему также принадлежит право на присуждение собственности, право удержания, право пользования и извлечения плодов"⁵⁸.

Согласно действующему гражданскому законодательству РФ залоговое право включает в себя следующие составные элементы. Основной юридической возможностью залогодержателя является возможность распорядиться заложенным имуществом путем его отчуждения с целью получения удовлетворения из стоимости этого имущества (п. 1 ст. 334 ГК РФ). Кроме того, залогодержатель имеет юридическую возможность владеть заложенным имуществом, если последнее передается ему на основании договора о залоге (п. 1 ст. 338 ГК РФ). И наконец, в случаях, прямо предусмотренных договором, залогодержатель наделяется возможностью пользоваться заложенным имуществом в порядке, установленном п. 3 ст. 346 ГК РФ. Наличие у залогодержателя субправомочий по владению и пользованию заложенной вещью позволяет ему использовать вещно-правовые средства защиты залогового права в случае его нарушения третьими лицами или залогодателем (ст. 347 ГК РФ).

Таким образом, право залога представляет собой ограниченное вещное право, в котором заключена юридическая возможность распорядиться чужим имуществом при определенных условиях. Эта возможность является основной для залогового права. Иногда оно может включать в себя также субправомочие по владению чужим имуществом или субправомочия по владению и пользованию этим имуществом в порядке и пределах, установленных законом и договором с собственником имущества.

Рассмотрение структурных особенностей прав пользования чужим имуществом и права залога позволяет сделать следующий вывод. Они являются правами с ограниченным вещно-правовым содержанием, поскольку каждое из них изначально ограничено какой-либо одной или несколькими юридическими возможностями правообладателя в отношении чужой вещи. Это объясняется специфическим назначением рассмотренных прав, которое определяет характер и способ воздействия управомоченного на вещь: воздействие здесь осуществляется в каком-либо одном или нескольких направлениях.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

В отличие от них право хозяйственного ведения и право оперативного управления, названные Е.А. Сухановым правами на хозяйствование с имуществом собственника⁵⁹, всегда состоят из юридических возможностей владения, пользования и распоряжения чужой вещью. Таким образом, права на хозяйствование с имуществом собственника предоставляют своим обладателям более широкий, по сравнению с иными ограниченными вещными правами, набор субправомочий. Появление этих прав было обусловлено наличием крупного собственника - государства, объективно неспособного самостоятельно вести хозяйственную деятельность со всем принадлежащим ему имуществом.

Правам хозяйственного ведения обладают государственные и муниципальные унитарные предприятия. Из всех известных российскому законодательству прав на чужие вещи право хозяйственного ведения является наиболее близким по объему и содержанию к праву собственности. Однако новый Гражданский кодекс РФ ограничил юридические возможности обладателя этого права по сравнению с теми возможностями, которые предоставлялись обладателю права полного хозяйственного ведения прежним российским законодательством (п. 2 ст. 5 Закона РСФСР "О собственности в РСФСР", ст. 47 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.). Ранее к праву полного хозяйственного ведения применялись нормы о праве собственности за незначительными исключениями, предусмотренными законом или договором с собственником. В настоящее время объем субправомочий, заключенных в праве хозяйственного ведения, ограничен в силу ст. 295 ГК РФ. Согласно этой статье собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении, в соответствии с законом решает вопросы создания предприятия, определения предмета и целей его деятельности, его реорганизации и ликвидации; назначает директора (руководителя) предприятия; осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего предприятию имущества, а также имеет право на получение части прибыли от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении предприятия. Кроме того, унитарному предприятию запрещается продавать принадлежащее ему на праве хозяйственного ведения недвижимое имущество, сдавать его в аренду, отдавать в залог, вносить в качестве вклада в уставный (складочный) капитал хозяйственных обществ и товариществ или иным способом распоряжаться этим имуществом без согласия на то собственника (п. 2 ст. 295 ГК РФ).

Отсюда явствует, что предприятие может совершать в отношении имущества, принадлежащего ему на праве хозяйственного ведения, все действия за исключением тех, которые прямо запрещены гражданским законом, и тех, которые отнесены законом к компетенции собственника этого имущества.

Хотя унитарному предприятию в силу права хозяйственного ведения и принадлежат субправомочия по владению, пользованию и распоряжению закрепленным за ним имуществом, его право все же существенно отличается от права собственности. Это выражается в следующем. Во-первых, указанные субправомочия осуществляются в зависимости не только от воли управомоченного лица, но и от воли предоставившего имущество собственника и в установленных им и законом пределах⁶⁰. Во-вторых, управомоченный обладает соответствующими субправомочиями, например субправомочием по распоряжению имуществом, не в том объеме, в каком ими обладает собственник.

Право оперативного управления в отношении государственного имущества принадлежит по действующему гражданскому законодательству казенным предприятиям и учреждениям (п. 1 ст. 115 и п. 1 ст. 120 ГК РФ). Это право длительное время являлось единственной формой закрепления государственного имущества за юридическими лицами. Гражданский закон содержит как общие для казенного предприятия и учреждения правила о содержании

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

принадлежащего им вещного права, так и специальные для каждого из них положения применительно к правовому режиму закрепленного за ними имущества.

В силу п. 1 ст. 296 ГК РФ носитель права оперативного управления имеет возможность владеть, пользоваться и распоряжаться закрепленным за ним имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества. При этом собственник имущества, выделенного казенному предприятию или учреждению, вправе изъять лишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 296 ГК РФ). Из сказанного видно, что право оперативного управления представляет собой более ограниченное по объему субъективное право, нежели право хозяйственного ведения.

Особенности содержания права оперативного управления казенных предприятий состоят в том, что последние не вправе без согласия собственника распоряжаться не только недвижимым, но и движимым имуществом (п. 1 ст. 297 ГК РФ). Порядок распределения доходов казенного предприятия также определяется собственником его имущества (п. 2 ст. 297 ГК РФ). Что касается права оперативного управления, принадлежащего учреждениям, то оно еще более ограничено по своему содержанию, нежели аналогичное право казенных предприятий: учреждение вообще не вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему по смете (п. 1 ст. 298 ГК РФ).

Анализ права хозяйственного ведения и права оперативного управления позволяет сделать следующий вывод. Подобно другим правам на чужую вещь, права на хозяйствование с имуществом собственника ограничены в своем вещно-правовом содержании. При этом специфика названных ограничений этих прав состоит в том, что ограничения определяются здесь не только и не столько законом, сколько властью (усмотрением) и интересом собственника имущества.

Итак, все рассмотренные выше субъективные права являются по своей природе абсолютными субъективными гражданскими правами и включают в себя два правомочия. Первое - правомочие на совершение определенных положительных действий самим управомоченным - доминирует в содержании указанной категории субъективных прав. Оно состоит из наибольшего числа субправомочий в праве собственности и из меньшего количества аналогичных им по наименованию элементов в большинстве прав на чужую вещь. Второе - правомочие требования - заключается в возможности правообладателя требовать от всех иных лиц воздерживаться от совершения действий, которые мешали бы ему осуществлять субправомочия, входящие в содержание его первого правомочия.

ГЛАВА 3

СТРУКТУРА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Правовому нормированию подвергаются не только абсолютные имущественные отношения, но и общественные отношения, которые опосредствуют процесс перемещения имущества от одного лица к другому и поэтому носят относительный характер. Особенности экономической природы относительных гражданских правоотношений определяют специфические юридические признаки как относительного правоотношения в целом, так и одного из его элементов - относительного субъективного гражданского права. Эти признаки состоят в степени определенности обязанной стороны, содержании юридической обязанности, объеме возможностей **управомоченного**, характере средств защиты относительных субъективных гражданских прав, и т. п.

К наиболее типичным относительным субъективным правам относятся обязательственные с права. Последние всегда выступают в качестве имущественных прав, поскольку обязательственные отношения опосредствуют процесс перемещения материальных благ - имущества и иных результатов труда, также носящих имущественный характер¹. Помимо обязательственных к относительным субъективным гражданским правам принадлежат относительные личные неимущественные права (например, права из авторских отношений, складывающихся между конкретными лицами по поводу неимущественных благ, права из отношений по бесплатному медицинскому обслуживанию), относительно-организационные права (например, право стороны предварительного договора требовать заключения основного договора)² и охранительные субъективные права, не опосредствующие перемещение имущественных благ (например, право кредитора отказаться от договора ввиду его неисполнения или ненадлежащего исполнения должником).

Среди относительных гражданских правоотношений иногда выделяют так называемые вещные относительные отношения. В частности, **М.В. Кротов** именует таковыми отношения, возникающие между обладателем права

хозяйственного ведения и собственником имущества³. На наш взгляд, отношения, существующие между субъектом права хозяйственного ведения и собственником имущества, неоднозначны по своей правовой природе. С одной стороны, обладатель права хозяйственного ведения имеет возможность требовать от всех лиц, включая собственника имущества, воздерживаться от вмешательства в сферу своего ограниченного вещного права, что свидетельствует об абсолютном характере рассматриваемых отношений. С другой стороны, некоторые из прав собственника в отношении унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения (например, право на отчисление части прибыли от этого предприятия), носят относительный характер.

Относительное гражданское правоотношение возникает между индивидуально определенными лицами - **управомоченному** противостоит конкретное обязанное лицо. Юридическая обязанность в относительном гражданском правоотношении чаще всего заключается в необходимости совершения определенного действия (или действий) в пользу **управомоченного**. Так, в обязательственном отношении юридическая обязанность **всегда** выступает в форме **facere**⁴, тогда как в вещном отношении - обязанность состоит в необходимости воздержания от действий (поп **faceic**). Соответственно, если в абсолютном правоотношении правомочие требования направлено на воздержание обязанных лиц от вторжения в сферу абсолютного права, то в большинстве относительных правоотношений, наоборот, правомочие требования направлено на совершение активных действий обязанным лицом. Этим и объясняется то обстоятельство, что в содержании абсолютных субъективных гражданских прав на первый план выступает правомочие **правообладателя** на собственные действия, а в содержании большинства относительных субъективных прав - правомочие требования.

Отмеченные признаки относительных субъективных гражданских прав определяют особые средства их защиты. В Древнем Риме права требования, под которыми понимались обязательственные права, защищались с помощью личных исков, в то время как для защиты вещных прав применялись вещные иски. С точки зрения указанного разделения исков защита обязательственного субъективного права означает возможность предъявления иска тому, кто обязан в отношении **управомоченного** к совершению определенного действия. Традиционное деление средств защиты субъективных прав на вещно-правовые и обязательственно-правовые воспринято и современными законодательными системами, устанавливающими возможность защиты вещных прав с помощью исков о защите права собственности, а обязательственных - с помощью исков, базирующихся на охранительных **нормах** обязательственного права.

Таким образом, рассмотренные признаки относительных субъективных прав, отличающие их от прав абсолютных, позволяют выявить природу того или иного субъективного гражданского права и определить средства его защиты в случае его нарушения.

§ 1. Правовая природа правомочия требования

Как уже отмечалось, относительное субъективное гражданское право представляет собой единство двух правомочий: правомочия требования и правомочия **правообладателя** на совершение собственных действий.

Центральное место в структуре относительных субъективных гражданских прав занимает правомочие требования. В обязательстве это правомочие реализуется активными действиями должника. Поэтому действия должника нередко называют непосредственным предметом обязательства⁵ а само обязательство именуют

"отношением между сторонами по поводу действий должника"⁶. Значимость поведения должника для удовлетворения интереса кредитора обусловлена следующим. Поскольку кредитор не может удовлетворить свой интерес своими собственными действиями, закон предоставляет ему возможность воспользоваться для этого чужими действиями должника. Эта возможность воплощается в правомочии требования, которое представляет собой правомочие на чужие действия ⁷.

Будучи правомочием на действия должника, правомочие требования не может быть осуществлено действиями самого кредитора. Так, например, реализация принадлежащего заимодавцу правомочия требования предполагает совершение действий по возвращению предмета долга. Такие действия сам заимодавец совершить не в состоянии, так как возратить долг самому себе нельзя. Поэтому какие бы действия он ни совершал, они никогда не будут являться средством реализации его правомочия требования ⁸.

Невозможность реализации правомочия требования действиями управомоченного вызывает сложность в определении правовой природы этого правомочия. Традиционно оно описывается в качестве составного элемента субъективного гражданского права как меры возможного поведения управомоченного лица, хотя осуществляется действиями не управомоченного, а обязанного. В связи с этим Е.Я. Мотовиловкер, подвергая критике традиционное определение субъективного гражданского права как меры возможного поведения его носителя, предложил исключить из определения указание на поведение управомоченного и рассматривать субъективное право как "определенную в законе возможность удовлетворения интереса его обладателя" ⁹. Однако это определение не раскрывает содержания субъективного права и не позволяет вычлнить конкретные возможности, принадлежащие управомоченному лицу. Поэтому оно является совершенно неудовлетворительным.

Позиция, занятая Е.Я. Мотовиловкером в этом вопросе, основывается на предметном истолковании правомочия требования, при котором последнее рассматривается только как право на чужие действия. При таком подходе действия обязанного лица, составляющие материальное содержание правомочия требования, действительно нельзя связать с представлением о субъективном праве как мере возможного поведения самого управомоченного.

Однако мыслим и иной подход к оценке правомочия требования. Касаясь этого правомочия, Е. А. Крашенинников отмечает: "... закон предоставляет кредитору правомочие требования, которое дает ему возможность распоряжаться чужими действиями контрагента как своими и тем самым ставит должника перед необходимостью относиться к своим действиям как к чужим т.е. обязывает его осуществлять их в удовлетворение интереса кредитора" (разр. моя. - А.В.)¹⁰. Как видно из приведенной цитаты, правомочие требования является носителем функции распоряжения чужим поведением. Поэтому с функциональной точки зрения оно представляет собой что иное, как предоставленную кредитору возможность распоряжаться действиями должника - Управомоченный может распоряжаться чужими действиями контрагента как своими, как объектом своего права ¹¹. Подобно тому, как субъект права собственности или иного вещного права имеет возможность распоряжаться вещью, так и носитель обязательственного субъективного права обладает возможностью распоряжаться чужими действиями должника. И в том и в другом случае возможность распоряжения предоставлена управомоченному для удовлетворения его законного интереса, и эта возможность входит в содержание соответствующего субъективного права в качестве его составного элемента. Функциональное истолкование правомочия требования снимает кажущуюся противоречивость сущности субъективного права как меры возможного поведения самого управомоченного.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

Поскольку правомочие требования реализуется исключительно поведением обязанного лица, для характеристики его материального содержания важно определить форму должного поведения в относительном гражданском правоотношении.

Как уже было отмечено, наиболее типичными и распространенными относительными субъективными правами являются обязательственные права. В юридической литературе не сложилось единого мнения по вопросу о том, может ли должное поведение должника выражаться в форме поп *facere*. Приступая к рассмотрению этого вопроса, остановимся на некоторых легальных определениях обязательства.

Раскрывая сущность обязательства (*obligationum substantia*), римский юрист Павел писал, что оно обязывает что-либо дать (*dare*), сделать (*facere*) или предоставить (*praestare*). При этом *facere* в понимании римских юристов обнимало собой также обязанность чего-либо не делать (поп *facere*)¹². Западноевропейское законодательство также допускает возможность существования обязанности должника в форме обязанности поп *facere*. Так, art. 1101 Code civil предписывает, что в силу договора "одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или перед несколькими другими лицами дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо". Аналогичный подход к данному вопросу закреплен в § 241 BGB, который гласит: "На основании обязательства кредитор вправе требовать от должника совершения определенного действия. Исполнение может заключаться и в воздержании от действия". Гражданский кодекс РФ также исходит из того, что в силу обязательства должник может обязываться к воздержанию от определенного действия (п. 1 ст. 307).

Однако законодательное признание поп *facere* в качестве одной из форм должного поведения обязанного лица в обязательственном отношении само по себе не свидетельствует об истинности и бесспорности этого нормативного положения. Для того чтобы определить, может ли должник обязываться к бездействию, необходимо вычленить специфические признаки обязательства, которые отграничивают его от иных относительных гражданских правоотношений. Главный из этих признаков заключается в том, что обязательство призвано опосредствовать исключительно имущественные отношения¹³. Кроме того, как уже отмечалось, обязательства представляют собой имущественные правоотношения, которые опосредствуют процесс перемещения материальных благ от одного лица к другому. Но перемещение имущества и иных результатов труда невозможно без активных действий должника. Поэтому принадлежащее кредитору право требования обязывает должника к совершению именно активных действий.

Представленный взгляд защищается многими отечественными цивилистами. Так, например, В.С. Толстой пишет: "Обязательством надо считать... гражданское правоотношение, содержание которого составляют одна или несколько обязанностей (с корреспондирующими правомочиями) совершить положительные действия"¹⁴. К аналогичному выводу приходит Н.Д. Егоров, который отмечает, что "управомочен-ному лицу в обязательственном правоотношении предоставляется право требовать от обязанного лица совершения определенных активных действий"¹⁵. Исходя из такого же способа

представления, М.В. Кротов называет в качестве одного из недостатков легального определения обязательства "отнесение к обязательственно-правовой обязанности "воздержания от совершения определенного действия"¹⁶.

В противоположность сказанному некоторые авторы утверждают, что должник может обязываться к воздержанию от совершения определенных действий. Этот вывод обычно иллюстрируется ссылкой на обязанность хранителя не пользоваться имуществом, переданным ему на хранение (ст. 892 ГК РФ)¹⁷, а также на обязанность

автора не передавать произведение, являющееся предметом авторского договора, для использования третьим лицам без согласия другой стороны договора (ст. 509 ГК РСФСР 1964 г.)¹⁸.

Особую позицию по данному вопросу занимают ученые, которые хотя и не отрицают существования пассивных обязанностей должника, но оценивают их в качестве дополнительных или побочных. В частности, В.П. Грибанов называет обязательства, заключающие в себе такого рода обязанности, "побочными, неразрывно связанными с переходом имущественных благ"¹⁹, а О.С. Иоффе пишет: "Должник всегда обязывается либо только к активным действиям, либо также к воздержанию от определенных действий, но непременно сопутствующих активной деятельности должника, а не заменяющих ее"²⁰.

На наш взгляд, обязанность *pop facere* не может входить в содержание обязательства - ни самостоятельно, ни наряду с активной обязанностью в качестве дополнительной или зависимой. Сказанное подтверждается следующими обстоятельствами.

Во-первых, признание пассивной обязанности должника противоречит самой природе обязательственных отношений и не соответствует указанным выше признакам обязательства.

Во-вторых, к отношениям, содержание которых составляет бездействие обязанной стороны, невозможно применить общие нормы обязательственного права. Совершенно очевидно, что право требования, обязывающее к воздержанию от действий, не подлежит зачету и не может быть прекращено иными способами, установленными законом для прекращения обязательственных требований (например, новацией или предоставлением отступного). Равным образом его нельзя уступить другому лицу, так как цессия требования обусловлена опять-таки имущественным интересом лиц, связанных соглашением об уступке. Цедирование требования, которое бы обязывало должника к бездействию, столь же бессмысленно, как бессмысленна уступка отрицательной стороны права собственности - правомочия требовать воздержания от вторжения в сферу данного права.

В-третьих, совершение должником положительных действий, направленных на удовлетворение интереса кредитора, обусловлено типом правовых норм, регулирующих соответствующие отношения. Эти нормы относятся к категории обязывающих норм, т. е. норм, которые возлагают на лицо обязанность совершить активные действия²¹. Запрещающие нормы не могут служить нормативной предпосылкой возникновения обязательственных правоотношений.

Что касается упомянутых выше пассивных обязанностей хранителя (ст. 892 ГК РФ) и автора произведения (ст. 509 ГК РСФСР 1964 г.), то они, по нашему мнению, не являются обязательно-правовыми, хотя и существуют параллельно с соответствующими договорными обязательствами. Указанные обязанности могут быть объяснены без использования конструкции обязательно-правовых обязанностей *pop facere*. Так, в отношениях из договора хранения хранителю противостоит *поклажедатель*, являющийся собственником или титульным владельцем переданного на хранение имущества.

Как уже отмечалось, при передаче имущества третьим лицам его собственник не утрачивает юридических возможностей по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом. Поэтому обязанность хранителя не пользоваться имуществом, полученным на хранение, можно трактовать как входящую в содержание абсолютного правоотношения обязанность воздерживаться от вмешательства в сферу вещного права собственника этого имущества. В свою очередь обязанность автора не передавать произведение, являющееся предметом авторского договора, для использования третьим лицам без письменного согласия другой стороны договора можно объяснить

путем обращения к категориям права распоряжения и ограничения распоряжения²². В указанном случае автор подлежит установленным по закону ограничениям распоряжения своим произведением, которые выражаются в том, что распоряжение может последовать только с согласия контрагента по авторскому договору. Само собой разумеется, что предложенные объяснения не претендуют на разрешение поставленной проблемы в целом²³. Однако перечисленные выше обстоятельства позволяют утверждать, что обязанность по *facere* не может рассматриваться в качестве обязательственно-правовой.

Определение формы должного поведения в обязательстве проливает свет на материальное содержание правомочия требования, заключенного в обязательственном субъективном праве. Поскольку кредитор имеет право на действия должника, последние как раз и составляют материальное содержание правомочия требования. Это содержание может быть различным в зависимости от того или иного вида обязательства. Положительные действия должника могут состоять в передаче имущества **управомоченному**, в выполнении работы, оказании услуги, и т. п. Исходящее от должника предоставление может быть воплощено в одной или нескольких активных операциях, иногда даже в целой серии однотипных актов исполнения

на протяжении определенного времени (например, по обязательству поставки).

Таким образом, материальным содержанием правомочия требования, входящего в состав обязательственного субъективного права, выступают активные действия должника. Это позволяет именовать его правомочием на чужие действия. Правомочие требования имеет уникальную правовую природу. Являясь составным элементом относительного субъективного права, оно всегда реализуется поведением обязанного лица. При этом с функциональной точки зрения это правомочие представляет собой возможность распоряжаться чужими действиями контрагента как своими.

Помимо правомочия требования относительное субъективное гражданское право включает в себя правомочие на совершение определенных действий самим **управомоченным**. Последнее выражается либо в возможности заявить (предъявить) требование обязанному лицу, либо в возможности принять предложенное им исполнение, либо одновременно и в той и в другой возможности в зависимости от конкретного вида относительного субъективного права.

§ 2. Юридическая природа действий **управомоченного по заявлению требования**

В предшествующем изложении было установлено, что правомочие требования осуществимо только действиями обязанного лица и не может быть реализовано действиями **пра-вообладателя**. Но для того чтобы **управомоченный** мог воспользоваться поведением обязанного лица, ему необходимо "возбудить" это поведение, т. е. предъявить носителю юридической обязанности требование о совершении соответствующих действий.

В юридической литературе действия кредитора по заявлению требования нередко трактуются в качестве средства осуществления правомочия требования²⁴. Однако в действительности правомочие требования есть правомочие на чужие

действия, и, следовательно, его материальное содержание заключается не в требовании определенного поведения от должника, а в совершении самим должником предписанных ему действий²⁵. В силу того, что действие

по предъявлению требования не охватывается материальным содержанием правомочия требования, оно не может являться и средством осуществления этого правомочия²⁶. Предъявляя требование должнику, кредитор совершает действие в осуществление принадлежащего ему права, но осуществляет не свое правомочие требования, а особую юридическую возможность - возможность предъявить требование обязанному лицу²⁷.

Заявление требования может быть выражено в действии кредитора по напоминанию должнику о необходимости совершения им тех или иных действий ввиду наступления срока исполнения обязательства. При этом требование может быть заявлено как в устной, так и в письменной форме.

Действие кредитора по заявлению требования приобретает особое значение, когда срок исполнения обязательства (чаще всего срок платежа) определен моментом востребования. В этом случае факт заявления требования стимулирует обязанное лицо к предоставлению удовлетворения кредитору, и, если последнее не наступает по вине должника, служит отправным пунктом для определения того момента, когда должник считается впавшим в просрочку. По общему правилу, должник обязан исполнить обязательство, срок исполнения которого определен моментом востребования, в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о его исполнении (абз. 2 п. 2 ст. 314 ГК РФ). По истечении этого времени должник считается просрочившим исполнение обязательства. Законом, иным правовым актом или соглашением сторон может быть предусмотрена обязанность должника исполнить обязательство тотчас по предъявлении кредитором требования либо по истечении иного срока. Так, например вексель, выданный сроком по предъявлении, оплачивается при его предъявлении (ст. 37, 77 Положения о переводном и простом векселе). При неоплате векселя в указанный срок вексельное обязательство становится нарушенным со стороны векселедателя или плательщика. По договору займа, в котором срок возврата долга не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена кредитору в течение тридцати дней со дня предъявления соответствующего требования, если иное не предусмотрено договором (абз. 2 п. 1 ст. 810 ГК РФ).

Действующее гражданское законодательство РФ в некоторых случаях специально выделяет правомочие на заявление требования, указывая на конкретные действия обладателя права по его осуществлению. Так, например, п. 1 ст. 374 ГК РФ предписывает, что требование бенефициара об уплате денежной суммы по банковской гарантии должно заявляться в письменной форме с приложением указанных в гарантии документов и изложением существа нарушений принципалом основного обязательства, в обеспечение которого выдана гарантия. Очевидно, что такие действия бенефициара (кредитора по обязательству банковской гарантии) не могут служить средством реализации его правомочия требования. Последнее осуществляется действиями гаранта по удовлетворению предъявленных к нему требований. Статья 38 Положения о переводном и простом векселе устанавливает порядок предъявления векселя к платежу векселедержателем (кредитором) плательщику (должнику), связывая с такими действиями вексельного кредитора особые правовые последствия. При этом действие по предъявлению вексельного требования обрисовывается отдельно от действия вексельного должника по уплате вексельной суммы. Это свидетельствует о самостоятельности юридической возможности по заявлению требования. Последняя входит в содержание подтвержденного векселем права **наряду** с правомочием требования, которое реализуется действием плательщика по уплате вексельной суммы.

Самостоятельное значение возможности предъявить требование должнику можно проиллюстрировать и на других примерах. Так, п. 3 ст. 76 Федерального закона РФ "Об акционерных обществах" определяет порядок и сроки

предъявления акционерному обществу требования о выкупе акций;

п. 1 ст. 854 ГК РФ, устанавливающий основания списания денежных средств со счета, говорит о распоряжении клиента, которое представляет собой не что иное, как действие по заявлению требования о списании. И в том и в другом случае правомочие требования акционера и владельца банковского счета осуществляется действиями их контрагентов - соответственно акционерным обществом посредством выкупа акций и банковским учреждением путем списания денежных средств со счета клиента. Что же касается действия **управомоченного** по заявлению требования о выкупе или списании, то оно служит средством реализации правомочия кредитора на свои собственные действия.

Таким образом, в относительных регулятивных **субъективных** правах возможность заявить требование контрагенту, реализуемая действиями самого обладателя права, фигурирует в качестве самостоятельной юридической возможности. Она существует обособленно от правомочия требования, которое осуществляется действиями должника.

Точно так же обстоит дело и с охранительными субъективными гражданскими правами. Так, например, ч. 1 ст. 18 Федерального закона "О защите прав потребителей" устанавливает, что право требования, возникающее у потребителя в результате нарушения его регулятивного субъективного права, осуществляется продавцом путем совершения соответствующего действия (по выбору потребителя), а именно: безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление; соразмерного уменьшения покупной цены; замены на товар аналогичной марки или на такой же товар другой марки с перерасчетом покупной цены; расторжения договора купли-продажи. Наряду с этим закон особо выделяет возможность потребителя предъявить продавцу любое из вышеперечисленных требований (ч. 3 ст. 18 Закона).

Нормы Гражданского кодекса РФ, регламентирующие порядок изменения или расторжения договора, недвусмысленно говорят о заявлении стороной требования об изменении или расторжении договора в суд (п. 2 ст. 452 ГК РФ). Заявляя такое требование, **управомоченный** совершает действие в осуществление своего права на изменение или расторжение договора. Однако это действие не может являться средством реализации заключенного в праве правомочия требования. Удовлетворить заявленное требование может только суд путем

вынесения решения об изменении или расторжении договора. Следовательно, предъявляя требование суду, истец реализует правомочие на свои собственные действия, которое совместно с правомочием требования образует содержание субъективного права на изменение или расторжение договора. Сказанное свидетельствует о том, что в охранительных субъективных гражданских правах правомочие на заявление требования также выступает в виде самостоятельной юридической возможности - составного элемента соответствующего субъективного права.

Действия **управомоченного** по заявлению (предъявлению) требования занимают особое место в процессе осуществления относительных субъективных гражданских прав. В своей реализации относительное субъективное право проходит несколько последовательных этапов, содержание которых составляют действия связанных им лиц. В этой последовательности действие управомоченного по заявлению требования представляет собой начальное звено в цепи действий, направленных на реализацию его права. Как уже отмечалось, интерес кредитора в обязательстве, являющемся наиболее распространенным видом относительных правоотношений, удовлетворяется преимущественно действиями должника. Но для того чтобы предписанные должнику действия состоялись, необходимо их инициировать, что и достигается путем заявления требования обязанному лицу ²⁸.

Правомочие на заявление требования немислимо без его логического продолжения - правомочия требования, так как кредитор потому и заявляет требование должнику, что рассчитывает на его последующие действия по удовлетворению этого требования. Однако, несмотря на тесную связь этих

правомочий, они являются самостоятельными по отношению друг к другу и отличаются друг от друга по целому ряду признаков: правомочие на предъявление требования - это право на свои, а правомочие требования - право на чужие действия; правомочие на предъявление требования имеет своим материальным содержанием действие **правообладателя**, а правомочие требования - действие обязанного лица; правомочие на предъявление требования реализуется действием, совершаемым одной, а правомочие требования - действием, совершаемым другой стороной правоотношения.

Будучи самостоятельным элементом относительного субъективного гражданского права, возможность предъявления требования может входить в него либо в качестве правомочия, либо в качестве **субправомочия**²⁹.

Если относительные субъективные права опосредствуют общественное отношение по перемещению материальных благ от обязанного лица к **управомоченному** лицу, то заключенная в них возможность предъявления требования приобретает статус субправомочия. Такой характер, в частности, носит возможность предъявления требования к должнику по обязательственно-правовой ценной бумаге. В этом случае субправомочие на предъявление требования совместно с субправомочием на принятие предложенного должником исполнения составляет содержание правомочия на совершение определенных действий самим **управомоченным** лицом.

В относительных гражданских правах, не опосредствующих перемещение имущества или иных результатов труда, возможность заявить требование обязанному лицу приобретает статус правомочия. Такой характер, в частности, носит возможность предъявления требования к поверенному, обязавшемуся совершить сделку в пользу доверителя. В этом случае правомочие на предъявление требования совместно с правомочием требования составляет содержание субъективного права доверителя по договору поручения.

Таким образом, заявляя требование обязанному лицу, **управомоченный** реализует не свое правомочие требования, а принадлежащую ему возможность предъявить это требование, которая входит в содержание его субъективного гражданского права в качестве субправомочия или в качестве правомочия.

§ 3. Принятие исполнения по обязательству и структура обязательственного субъективного права

Как мы уже знаем, правомочие требования, заключенное в обязательственном субъективном праве, реализуется активными действиями должника. Совершая предписанные ему действия, должник предлагает кредитору исполнение по обязательству. При этом он создает для кредитора только возможность удовлетворения интереса, по поводу которого стороны вступили в обязательственное отношение. Фактическое удовлетворение интереса кредитора наступит лишь после того, как он примет предложенное ему исполнение. В этой связи возникает вопрос, является ли принятие исполнения по обязательству правом или обязанностью кредитора - вопрос, который имеет самое непосредственное отношение к проблеме структуры обязательственных субъективных прав.

По этому вопросу в цивилистике существуют две основные конструкции: согласно одной из них кредитор вправе принять исполнение по обязательству, согласно другой - обязан к совершению соответствующих действий³⁰. Гражданское законодательство РФ и законодательства ряда западноевропейских стран также не дают однозначного

ответа на поставленный вопрос.

Отдельные нормы Гражданского кодекса РФ, а именно -нормы, регламентирующие отношения из договоров купли-продажи, поставки, подряда, хранения, поручения и комиссии, предусматривают соответствующую обязанность кредитора принять исполнение по обязательству (п. 1 ст. 484, п. 1 ст. 513, п. 1 ст. 720, п. 1 ст. 899, п. 3 ст. 975, ст. 1000). Однако в кодексе отсутствует общее правило, которое бы обязывало кредитора к принятию предложенного ему должником исполнения³¹. ВОВ закрепляет подобную обязанность в отношении

трех договорных обязательств (купли-продажи, поставки и поклажи), но без установления соответствующего общего правила. Что же касается Code civil, то он вообще не предусматривает такой обязанности кредитора.

В российской юридической литературе преобладает концепция обязанности кредитора принять исполнение³². По мнению [М.М. Агаркова](#), содержание этой обязанности заключается в совершении кредитором зависящих от него действий, без которых должник не может исполнить обязательство³³; эти действия входят в состав особого вспомогательного обязательства, ответственность за неисполнение которого подчиняется общим правилам ответственности за вину. В трактовке последователей М.М. Агаркова специфика указанной обязанности кредитора состоит в отсутствии у нее характера встречного удовлетворения. Так, И.Б. Новицкий пишет: "В этом случае нет элемента обмена исполнения каких-то действий на встречное исполнение должника (как это имеет место в отношении двух основных обязанностей по двустороннему договору...), ... имеется лишь осложнение права кредитора обязанностью включиться в исполнение обязанности должником и содействовать ему в этом"³⁴. Исходя из [анало-](#)

[личных](#) соображений, [В.К. Райхер](#) с полной определенностью подчеркивает: «обязанность принятия исполнения (как и обязанность содействия должнику в исполнении) обязательства есть именно *кредиторская* обязанность, а не "дебиторская" обязанность»³⁵.

Существование обязанности кредитора принять предложенное должником исполнение обычно обосновывалось ссылкой на новую роль кредитора в советском гражданском праве, базирующуюся на присущих социализму началах товарищества и сотрудничества сторон, которые применительно к исполнению обязательств проявляются в принципе взаимного содействия³⁶.

Изложенный довод в настоящее время не имеет нормативно-правовых оснований. Принцип взаимного содействия сторон не нашел отражения в нормах нового гражданского законодательства, в силу чего отпадает почва для рассуждений об особой роли кредитора в современном гражданском праве России. Кроме того, ссылка на принцип взаимного содействия сторон в исполнении обязательства не могла служить веским аргументом в обоснование конструкции обязанности кредитора принять исполнение и по ранее действовавшему законодательству. Принятие исполнения предполагает законченность процесса деятельности должника по созданию или подготовке к сдаче кредитору предмета [или](#) результата исполнения. Обязанность уже исполнена должником, и кредитору остается лишь принять предложенное ему исполнение. Между тем обязанность содействия в исполнении обязательства предполагает то или иное участие контрагента должника в самом процессе исполнения³⁷. Следовательно, вывод [М.М. Агаркова](#) и примкнувших к нему цивилистов о [суще-](#)

[ствовании](#) обязанности кредитора принять исполнение по обязательству не может быть объяснен при помощи представленных ими доводов.

Переходя от критики обоснования концепции к критике самой концепции нужно обратить внимание на

следующие обстоятельства.

Признание обязанности кредитора принять исполнение по обязательству приводит к упразднению традиционного деления обязательств на простые и сложные, так как согласно рассматриваемой концепции любое простое обязательство (например, обязательство, возникающее из беспроцентного займа) "осложняется" дополнительной обязанностью кредитора и соответствующим ей правом должника. Однако ни М.М. Агарков, ни его последователи не подвергают сомнению вышеуказанную классификацию обязательств.

Оставаясь на почве этой концепции, мы должны были бы признать, что любое обязательство, в том числе и выраженное в обязательственной ценной бумаге, например в векселе, слагается из основного и присоединенного к нему дополнительного отношения, в силу которого должник вправе требовать от кредитора принятия исполнения, а кредитор обязан его принять. Но этот вывод, вытекающий из концепции М.М. Агаркова, вступает в противоречие с презентационной природой ценных бумаг (л. 1 ст. 142 ГК РФ). Обязательственно-правовая ценная бумага не может воплощать в себе упомянутое выше дополнительное отношение, поскольку вексельный должник как лицо, не владеющее бумагой, не способен осуществить право требовать от вексельного кредитора принятия исполнения³⁸. Таким образом, присущее ценным бумагам начало презентации исключает возможность того, чтобы в рамках удостоверенного бумагой обязательства должник выступал носителем правомочия требования, обязывающего кредитора принять исполнение по бумаге³⁹.

Сказанное позволяет утверждать, что действия кредитора по принятию предложенного должником надлежащего исполнения являются средством осуществления принадлежащего кредитору субъективного права.

Представленный взгляд обосновывался еще римскими юристами, которые отмечали, что "принятие исполнения - не обязанность кредитора, а только его право"⁴⁰. Однако наиболее ярко конструкция права кредитора принять исполнение представлена немецкими учеными в лице И. Колера и его последователей. Называя критикуемое нами воззрение одной из фундаментальных ошибок в учении об обязательственном праве, автор настаивает на том, что "кредитор не обязан принимать исполнение (услугу, результат работы, платеж), принятие - это только право, а не обязанность"⁴¹. Присоединяясь к И. Колеру, Г. Дербург отмечает, что "принятие предложенного исполнения - право, а не обязанность кредитора", так как исполнение "установлено (определено) для пользы кредитора"⁴², т. е. в его интересе.

Квалификация действий кредитора по принятию надлежащего исполнения в качестве средства осуществления его субъективного права приводит к выводу, что реализация соответствующей юридической возможности или отказ от ее реализации происходит сообразно воле самого управомоченного. Следовательно, непринятие кредитором исполнения по обязательству, т. е. просрочка кредитора в принятии, свидетельствует об отказе кредитора от осуществления предоставленной ему юридической возможности. Последнее, на наш взгляд, вполне допустимо, поскольку субъективное гражданское право предоставляется лицу в его частных интересах⁴³. В то же время в обязательствах, возникающих из взаимных договоров, отказ от принятия первоначального исполнения означает одновременно отказ от договора. Соответствующий отказ прекращает обязательство в его неисполненной части и порождает самостоятельное относительное правоотношение, в частности, обязательство по возмещению убытков, вызванных непринятием исполнения, с самостоятельным предметом, местом и сроками исполнения^{44,45}.

С принятием нового Гражданского кодекса РФ среди цивилистов наметилась тенденция критического отношения

к конструкции обязанности кредитора принять исполнение по обязательству. В последних публикациях, касающихся рассматриваемого вопроса, обращается внимание на то, что в нынешних условиях нельзя заставить кредитора принять исполнение, так как отсутствуют основания для того, чтобы можно было обязать сторону договора использовать принадлежащее ей субъективное право ⁴⁶.

Из защищаемого нами взгляда отнюдь не следует, что в случае непринятия надлежащего исполнения кредитором должник лишается средств защиты своих интересов. В результате беспричинного уклонения кредитора от принятия исполнения имущественное положение должника нередко ухудшается. Поэтому возникает необходимость в установлении средств защиты, которые бы в полной мере обеспечивали интересы должника. Однако необходимость в защите этих интересов не является основанием для **обязыва-ния** кредитора к принятию исполнения, поскольку трактовка принятия как права, а не обязанности кредитора обеспечивает большую степень защиты интересов должника при просрочке его контрагента. В подтверждение сказанного приведем следующие аргументы.

Если допустить, что кредитор обязан принять исполнение по обязательству, то в случае нарушения этой обязанности к нему можно применить меры гражданско-правовой ответственности. Но применение этих мер возможно лишь при наличии вины, т. е. при виновном непринятии исполнения (ст. 401 ГК РФ). Если кредитор докажет, что просрочка произошла по обстоятельствам, за которые ни он сам, ни те лица, на которых в силу закона, иных правовых актов или поручения кредитора было возложено принятие исполнения, не отвечают, то интерес должника в возмещении причиненных просрочкой убытков остается незащищенным (п. 2 ст. 406 ГК РФ).

Напротив, признание за кредитором права принять исполнение означает, что убытки, возникшие у должника вследствие просрочки кредитора, возмещаются в любом случае, так как возмещение убытков происходит в результате применения мер гражданско-правовой защиты. Таким образом, должник оказывается в более защищенном положении, если действия кредитора по принятию исполнения расцениваются в качестве действий, направленных на осуществление

его субъективного права. Следовательно, конструкция обязанности кредитора принять исполнение не оправдывается и с точки зрения обеспечения интересов должника.

В случае просрочки кредитора должнику предоставляется охранительное субъективное гражданское право - право требовать от кредитора возмещения убытков. Это право, представляющее собой средство защиты охраняемого законом интереса должника, возникает при наличии обстоятельств, предусмотренных гипотезами охранительных гражданско-правовых норм о кредиторской просрочке. Как справедливо отмечалось в литературе, в разряд юридических фактов, влекущих возникновение охранительных гражданских прав и обязанностей, входят некоторые правомерные действия ⁴⁷. Это обстоятельство свидетельствует о том, что защита права или охраняемого законом интереса не всегда связывается с реализацией мер юридической ответственности. Закон предусматривает такие способы защиты, как признание недействительной сделки, совершенной под влиянием заблуждения (п. 2 ст. 167, п. 2 ст. 178 ГК РФ); истребование имущества у добросовестного приобретателя (п. 1 ст. 302 ГК РФ); возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости (абз. 1 ст. 1067 ГК РФ) и любое другое возмещение вреда, причиненного правомерными действиями (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). В указанных случаях необходимость в защите права или охраняемого законом интереса обусловлена не правонарушением, а фактом совершения правомерного действия. Поэтому здесь нельзя вести речь о гражданско-правовой ответственности лица, на которого возложена обязанность совершить те или иные действия в защиту права или охраняемого законом интереса другого субъекта.

В связи с изложенным следует признать ошибочным правило п. 2 ст. 406 ГК РФ, которое связывает наступление предусмотренных им последствий с виной либо самого просрочившего кредитора, либо тех лиц, на которых было возложено принятие исполнения от должника. О вине кредитора можно говорить только в том случае, если бы на нем лежала обязанность принять от должника исполнение. Но принятие исполнения есть право, а не обязанность кредитора. Поэтому и категория вины к просрочившему кредитору неприменима. Как отмечает Б. Боуффал, "веритель не может быть признан виновным в непринятии предлагаемого ему исполнения, ибо где нет юридической обязанности, там и о вине не может быть речи"⁴⁸. Отсюда вытекает, что указание в п. 2 ст. 406 ГК РФ на вину кредитора как на условие возложения на него обязанности возместить должнику вызванные просрочкой убытки не имеет под собой оснований. Установленная в этой норме санкция должна применяться к кредитору в силу самого факта допущенной с его стороны просрочки. По изложенным причинам ст. 406 необходимо вывести за пределы главы 25 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение обязательств, так как просрочка кредитора не образует состава гражданского правонарушения, а обусловленная ею обязанность по возмещению причиненных просрочкой убытков не фигурирует в качестве меры гражданско-правовой ответственности⁴⁹.

Помимо права должника на возмещение убытков, действующее гражданское законодательство РФ предусматривает и иные последствия просрочки кредитора в принятии надлежащего исполнения обязательства. Так, по денежному процентному обязательству на сумму долга прекращают начисляться проценты в течение периода просрочки кредитора (п. 3 ст. 406 ГК РФ). Это означает невозможность увеличения объема обязанности, лежащей на должнике. Сама эта обязанность, равно как и корреспондирующее ей право, сохраняется, поскольку отказ кредитора от осуществления принадлежащего ему права не влечет прекращения права (п. 2 ст. 9 ГК РФ). Допущенная кредитором просрочка дает должнику также право внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, а в случаях, предусмотренных законом, - в депозит суда (п. 1 ст. 327 ГК РФ). В литературе было высказано мнение, что при взаимном характере договора просрочка кредитора в принятии первоначального исполнения управомочивает должника на расторжение договора, ибо при этих условиях он не только освобождается от обязанностей, но и отказывается от прав по тому же самому обязательству. Однако при одностороннем характере договора должник не вправе его расторгнуть, так как это было бы равнозначно освобождению должника от уплаты долга или от возврата имущества кредитору⁵⁰.

Гражданское законодательство ряда зарубежных стран предоставляет должнику в случае просрочки кредитора в принятии исполнения право продажи предмета долга за счет кредитора с дальнейшим предоставлением последнему полученной денежной суммы (§ 93 Швейцарского обязательственного закона), а также право внесения на хранение имущества, со-

ставляющего исполнение, за счет и риск кредитора (art. 1257 Code civil, § 92 Швейцарского обязательственного закона).

Существование в законодательстве разнообразных средств защиты охраняемых законом интересов должника не колеблет защищаемое нами представление о правовой природе действий кредитора по принятию исполнения, а, наоборот, доказывает правильность трактовки принятия исполнения как права, а не обязанности кредитора.

Таким образом, принимая исполнение по обязательству, кредитор осуществляет особую юридическую возможность, заключенную в его субъективном праве в качестве субправомочия. Это субправомочие наряду с

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

субправомочием по заявлению требования составляет правомочие на собственные положительные действия обладателя права, которое вместе с правомочием требования образует содержание субъективного права кредитора.

ГЛАВА 4

ВОПРОС О СТРУКТУРЕ субъективного ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ

Говоря о структуре субъективного гражданского права, следует остановиться на проблеме соотношения регулятивных и охранительных субъективных прав. В связи с этим возникает необходимость проанализировать существующие в литературе варианты разрешения следующих вопросов: о взаимоотношении субъективного гражданского права и права на защиту; о характере юридических возможностей управомоченного, возникающих вследствие нарушения или оспаривания его субъективного права; об основных видах и содержании этих

возможностей.

В отечественной цивилистике бытует взгляд, согласно которому субъективное гражданское право состоит из трех элементов (возможностей): права на свои действия, права на чужие действия и права на защиту¹

По нашему мнению, правы те ученые, которые считают что право на защиту представляет собой самостоятель-и о е охранительное субъективное гражданское право² 164. Это право появляется у обладателя регулятивного гражданского права в момент нарушения или оспаривания последнего и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения³.

Охранительное субъективное гражданское право, или, что одно и то же, право на защиту, принимает либо форму права на иск (притязания), либо форму охранительного права на совершение одностороннего действия⁴. Однако в какой бы форме право на защиту ни выступало, оно всегда фигурирует в качестве самостоятельного субъективного права и не служит составной частью или особой стадией развития регулятивного субъективного гражданского права.

В связи с изложенным трудно согласиться с М.М. Агарковым, который дает такую трактовку права на иск: "Каждое гражданское право включает правомочие на его осуществление помимо и против воли другой стороны, т. е. в принудительном порядке... Правомочие осуществить гражданское право в отношении определенного лица помимо и против воли последнего ... называется правом на иск в смысле гражданского права или правом на иск в материальном смысле (в противоположность праву на иск в процессуальном смысле, т. е. праву на судебную защиту). Право на иск в материальном смысле является составной частью того или иного гражданского права: права собственности, права требования из займа ... и т. д." ⁵ В литературе справедливо отмечалось, что эта концепция страдает целым рядом недостатков ⁶.

Во-первых, если допустить, что право на иск является составной частью регулятивного субъективного права, то придется признать, что его возникновение предшествует возникновению корреспондирующей ему охранительной юридической обязанности (например, придется признать, что виндикационное притязание появляется до возникновения обязанности незаконного владельца выдать вещь ее собственнику). Но этот вывод не согласуется с цивилистической теорией, которая исходит из того, что каждому субъективному праву корреспондирует встречная юридическая обязанность ⁷.

Во-вторых, из концепции М.М. Агаркова следует, что возникновение права на иск, а следовательно, и начало течения исковой давности по этому праву происходит в момент возникновения субъективного гражданского права, составным элементом которого является право на иск, т. е. происходит при отсутствии правонарушения. Однако подобный вывод противоречит гражданскому законодательству, которое связывает исковую давность с нарушением права как с объективным моментом, обуславливающим начало ее течения.

В-третьих, рассматриваемая концепция не находит подтверждения и на материале конкретных исковых притязаний. Возьмем в качестве примера виндикационное и негаторное притязания, которые М.М. Агарков, под названием виндика-ционного и негаторного исков, включает в содержание субъективного права собственности ⁸. Как виндикационное, так и негаторное притязание является по своему характеру относительным субъективным правом, которое обязывает конкретное лицо к совершению определенного положительного действия ⁹. Поэтому ни одно из них не может фигурировать в качестве элемента абсолютного по своей природе права собственности, которому

корреспондирует обязанность по **facere**, возложенная на неограниченный круг лиц.

Защищаемому нами взгляду противостоит также концепция М.А. Гурвича, которая сводится к следующим главным пунктам: право на иск в материальном смысле, или притязание, представляет собой особое состояние субъективного гражданского права, в котором оно способно к принудительному в отношении обязанного лица осуществлению; право на иск является не новым правом, возникающим наряду и на основании субъективного гражданского права, а самим этим правом, созревшим для принудительного осуществления (как правило, через суд)¹⁰. Эта теория уже была подвергнута **справедливой** критике¹¹. Уязвимость развиваемой М.А. Гурвичем концепции проявляется в следующих моментах.

1. Право на иск существенно отличается по своей юридической природе от охраняемого им регулятивного субъективного гражданского права. Так, например, виндикационное притязание не тождественно праву собственности, поскольку они: а) связывают разных обязанных лиц (виндикационное притязание направлено против незаконного владельца имущества, а вытекающее из права собственности правомочие требования - против всех третьих лиц); б) имеют различное содержание и обладают разными юридическими свойствами (виндикационное притязание обладает способностью подлежать принудительному осуществлению **юрисдикционным** органом, а право собственности такой способности лишено); в) могут принадлежать разным субъектам (виндикационное притязание может быть уступлено, в то время как право собственности останется у **цедента**¹²). Право на виндикацию является самостоятельным субъективным правом, и поэтому, вопреки противоположному утверждению М.А. Гурвича¹³, не может служить особым состоянием нарушенного права собственности¹⁴.

2. Вследствие допущенного должником правонарушения у кредитора может возникнуть **несколько** притязаний (например, притязание о расторжении договора и притязание о возмещении убытков). Каждое из этих притязаний отличается по своему содержанию от нарушенного **обязательственного** субъективного права. Но если эти притязания не совпадают ни друг с другом, ни с нарушенным регулятивным правом кредитора, то их нельзя рассматривать как само нарушенное право, созревшее для принудительного осуществления¹⁵.

3. Исковые притязания могут опосредствовать защиту не только регулятивных субъективных гражданских прав, но и охраняемых законом интересов. Так, например, при повреждении **делинквентом** чужого имущества **деликтное** притязание выступает средством защиты нарушенного субъективного права собственности. Но если деликт выразился в уничтожении вещи, то здесь уже нельзя вести речь о защите права собственности (оно прекратилось в результате правонарушения). В этом случае посредством **деликтного** притязания защищается охраняемый законом интерес бывшего собственника в восстановлении своего имущественного положения¹⁶.

Наличие у исковых притязаний способности выступать средством защиты охраняемых законом интересов служит неопровержимым доказательством того, что они не являются особым состоянием регулятивных субъективных прав.

Таким образом, право на иск, или притязание, есть самостоятельное охранительное гражданское право. Рассмотренные выше концепции права на иск как элемента регулятивного субъективного права или особого состояния последнего не имеют под собой оснований.

Необходимо отметить, что вопрос о соотношении права на иск и регулятивного субъективного гражданского права имеет не только теоретическое, но и практическое значение:

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

то или иное его решение дает основание к соответствующим рекомендациям **юрисдикционным** органам о правилах применения гражданского законодательства. Для иллюстрации сказанного приведем конкретный пример из судебной практики.

Товарищество с ограниченной ответственностью "Корпорация **ABC**" обратилось в Ярославский областной арбитражный суд с иском к Сбергательному банку РФ о взыскании денежной суммы, списанной в безакцептном порядке **Пере-славским** отделением **СБ** РФ с расчетного счета своего клиента - АОЗТ "**УКС Переславльстрой**". Исковое требование было предъявлено на основании договора уступки права требования, заключенного между ТОО "Корпорация **ABC**" и АОЗТ "**УКС Переславльстрой**". В обоснование своих требований истец ссылался на допустимость уступки принадлежащего АОЗТ требования о возврате безакцептно списанных средств, т. е. требования о возмещении убытков. По мнению истца, любое обязательственное требование, возникшее как из договора, так и из правонарушения (в данном случае - вследствие безакцептного списания средств), может быть уступлено по цессии. Уступка требования по обязательственному правоотношению, явившемуся предметом спора, не противоречила действовавшему гражданскому законодательству РФ и не была запрещена договором на расчетно-кассовое обслуживание, заключенным между АОЗТ и **Переславским** отделением **СБ** РФ.

Вынося решение об отказе в иске. Ярославский областной арбитражный суд указал следующее: "Все операции по зачислению и списанию средств со счета АОЗТ осуществляются **Переславским** отделением **СБ** в рамках договора на расчетно-кассовое обслуживание... Уступка требования, предусмотренная гл. 24 **ГК** РФ, означает перемену лиц в обязательстве, т. е. в данном случае в договоре банковского счета. Уступка требования о возмещении банком убытков, связанных с ненадлежащим исполнением им договорных обязательств перед своим клиентом, который не выбывает из обязательства и остается клиентом банка, не соответствует сущности предусмотренной законом сделки" ¹⁷.

Приведенная аргументация суда прямо противоречит представлению о праве на иск как самостоятельном **субъективном** гражданском праве. В рассматриваемом примере в результате нарушения банком регулятивного обязательства, возникшего из договора на расчетно-кассовое обслуживание, появилось новое, ранее не существовавшее охранительное обязательственное правоотношение. Последнее заключало в себе право АОЗТ "**УКС Переславльстрой**" требовать возврата от банка **незаконно** списанных денежных средств (право на возмещение убытков). В результате уступки этого охранительного обязательственного права **цессионарий** (истец) приобрел не договорное право требования, а притязание на возмещение убытков. В свою очередь **цедент** продолжал оставаться субъектом договора банковского счета, поскольку договорное и охранительное обязательственные правоотношения являются самостоятельными отношениями. Сказанное свидетельствует о незаконности и необоснованности вышеуказанного судебного решения.

Как уже отмечалось, охранительные субъективные гражданские права разбиваются на две группы: охранительные права на совершение односторонних действий и исковые права, или притязания. И те и другие, являясь разновидностью права на защиту, имеют двучленную структуру. В то же время они отличаются друг от друга по содержанию и способам их осуществления, а также по типу корреспондирующих им юридических обязанностей.

Принадлежность охранительных прав на совершение односторонних действий к числу средств защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов вытекает как из общей нормы ст. 12 **ГК** РФ, так и из отдельных норм гражданского законодательства. Эти права подразделяются на право самозащиты и право

оперативного воздействия на правонарушителя.

Право самозащиты предусмотрено ст. 14 ГК РФ; оно возникает в момент правонарушения и предоставляет своему обладателю возможность самому совершить действия, направленные на восстановление права, на пресечение его нарушения, и т. п. Помимо необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ), традиционно относимой к числу таких мер защиты, к ним также можно причислить право удержания вещи (ст. 359 ГК РФ).

К правам оперативного воздействия на правонарушителя относятся право кредитора отказаться от исполнения договора

ввиду его нарушения должником (п. 1 ст. 463, п. 2 ст. 715, п. 2 ст. 719 ГК РФ), право поставщика перевести неисправного плательщика на менее выгодную для него систему расчетов (п. 50 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, положения о поставках товаров народного потребления и основных условий регулирования договорных отношений при осуществлении экспортно-импортных операций) и другие аналогичные права¹⁸.

Содержание рассматриваемых прав представлено прежде всего возможностью совершения односторонних действий самим управомоченным лицом. Поэтому они всегда реализуются действиями управомоченного. В некоторых случаях их осуществление может опосредствоваться действиями третьих лиц, с которыми управомоченный находится в регулятивных правоотношениях. Так, например, право перевести неисправного плательщика на аккредитивную форму расчетов поставщик осуществляет при помощи банка. Но поскольку банк служит орудием деятельности поставщика, то и такого рода реализация в конечном счете является результатом односторонних действий, исходящих от управомоченного лица.

Наряду с правомочием на совершение односторонних действий самим управомоченным рассматриваемые права содержат в себе правомочие требования. Через это правомочие право в целом связывается с корреспондирующей ему охранительной гражданско-правовой обязанностью. Содержание данной обязанности составляет необходимость претерпевания обязанным лицом односторонних действий управомоченного по защите своего регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса¹⁹.

Таким образом, охранительное право на совершение одностороннего действия, как и любое субъективное гражданское право, включает в себе два правомочия: правомочие на совершение определенного действия самим управомоченным и правомочие требования.

Второй разновидностью права на защиту служат иски, или притязания. В отличие от регулятивных субъективных гражданских прав и охранительных прав на совершение односторонних действий эти права обладают той особенностью, что могут быть осуществлены в принудительном порядке юрисдикционным органом²⁰. Так, например, посягательство на субъективное право собственности влечет возникновение у управомоченного лица права на иск в форме виндикационного (ст. 301 ГК РФ), негаторного (ст. 304 ГК РФ), деликтного (ст. 1064 ГК РФ) или кондикционного притязания (ст. 1102 ГК РФ). Каждое из этих притязаний обязанный может исполнить добровольно, не доводя дело до суда. Если добровольного исполнения не последует, управомоченный заявит соответствующее притязание в юрисдикционный орган, который реализует его помимо и против воли обязанного лица.

Охранительное правоотношение, элементом которого является притязание, представляет собой правовую связь активного типа, поскольку носителем юридической обязанности здесь всегда выступает конкретное лицо.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

При этом притязание по своему характеру наиболее близко к обязательственному праву требования. И тому и другому корреспондирует юридическая обязанность *facere*. Правда, некоторые ученые утверждают, что притязания могут заключаться в праве на бездействие²¹. Однако это утверждение, на наш взгляд, является ошибочным.

Притязание служит средством защиты субъективного гражданского права или охраняемого законом интереса и поэтому не может быть направлено на воздержание от 1 действий. Само понятие защиты предполагает определенную 1 позитивную деятельность²². Такая форма должного Ц поведения, как поп *facere*, характерна для абсолютных правоотношений и неприемлема для охранительных правоотношений, элементом которых выступает притязание. Очевидно, что в большинстве случаев управомоченный не в состоянии защитить нарушенное регулятивное право или охраняемый законом интерес своими собственными действиями; для этого требуются действия обязанной стороны охранительного правоотношения. В противном случае, при бездействии обеих сторон правоотношения, было бы непонятно, каким образом и какими способами осуществляется защита прав и охраняемых законом интересов.

Помимо теоретической необоснованности рассматриваемое утверждение не находит опоры в российском гражданском законодательстве. Последнему не известны притязания с отрицательным характером требования. Какое бы из предусмотренных Гражданским кодексом РФ притязаний мы ни взяли - будь то притязание о возмещении вреда или уплате неустойки, притязание об оспаривании сделки или расторжении договора, *виндикационное* или *кондикционное* притязания - каждое из них направлено на совершение обязанным лицом известного положительного действия.

Установление материального содержания правомочия требования, входящего в состав права на иск (притязания), позволяет определить конкретное содержание этого правомочия применительно к каждому виду исковых притязаний. Среди последних принято выделять у с *тановительные*, преобразовательные и исполнительные притязания²³.

Установительное притязание, как, например, притязание о признании права собственности на строение (абз. 2 ст. 12 ГК РФ), притязание о признании лица утратившим право пользования жилым помещением (ст. 61 ЖК РСФСР) и т. д., заключается прежде всего в возможности *управомоченного* лица требовать от суда признания наличия или отсутствия определенных регулятивных гражданских прав и обязанностей. Наряду с этим в содержание этого притязания входит правомочие заявить соответствующее требование обязанному лицу, которое в отличие от правомочия требования реализуется действием самого управомоченного.

К преобразовательным притязаниям относятся право на расторжение договора (п. 2 ст. 450 ГК РФ), право на *оспаривание* сделки (ст. 173, 174 ГК РФ) и другие аналогичные им права. Содержание преобразовательного притязания состоит в возможности управомоченного требовать от *юрисдикционного* органа прекращения или изменения известных регулятивных гражданских прав и обязанностей, а также в возможности предъявить это требование обязанному лицу. Последняя возможность представляет собой правомочие на совершение определенных действий самим *управомоченным*.

Исполнительные притязания заключают в себе правомочие требовать совершения определенного положительного действия, как то: возмещения убытков (п. 1 ст. 15 ГК РФ), уплаты неустойки (п. 1 ст. 330 ГК РФ) и т. д. Помимо этого правомочия носителю притязания принадлежит возможность заявить соответствующее требование обязанному лицу. Эта возможность может входить в структуру исполнительного притязания либо в качестве

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

правомочия, либо в качестве субправомочия. Если исполнительное притязание, как, например, **негативное** притязание, не опосредствует общественное отношение по перемещению материальных благ, то содержащаяся в нем возможность предъявления требования имеет статус правомочия. В исполнительных притязаниях, опосредствующих переход материальных благ от обязанного к **управомоченному** лицу, эта возможность фигурирует как субправомочие, которое совместно с возможностью принятия предложенного исполнения образует содержание правомочия на совершение определенных действий самим управомоченным лицом.

Таким образом, охранительное **субъективное** гражданское право (право на защиту) не является ни составным элементом, ни особым состоянием регулятивного субъективного права. Будучи самостоятельным **субъективным** правом, право на защиту, так же, как и регулятивное гражданское право, состоит из двух правомочий: правомочия требования и правомочия на совершение определенных действий самим обладателем права.

Список использованной литературы

- Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
- Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М., 1994.
- Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
- Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Уч. труды Свердловского юрид. инта. Сер. "Гражданское право". Свердловск, 1959. Т. 1.
- Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2.
- Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Сборник ученых трудов. Свердловск, 1970. Вып. 13.
- Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1.
- Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. II. Ананьева Ж. О классификации гражданских правоотношений // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1972. Вып. 298.
- Анненков К. Система русского гражданского права. Спб., 1910. Т. 1.
- Асмус В.Ф. Логика. М., 1947.
- Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. II. Кн. III. Вещное право. Киев, 1888.
- Боуффал Б. Опыт юридической конструкции просрочки верителя (*mora accipiendi*) в римском праве. Спб., 1895.
- Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское

государство и право. 1949. № 8.

Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.

Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.

Бутнев В.В. Понятие субъективного права // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990.

Бутнев В.В. К понятию гражданского правонарушения // Проблемы совершенствования гражданского законодательства России. Ярославль, 1993.

Варул П.А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987.

Варул П.А. К проблеме охранительных гражданских правоотношений // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав. Ярославль, 1988.

Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.

Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. Ч. 1.

Вольфсон Ф. Учебник гражданского права РСФСР. 1 М., 1925.

Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Часть особенная. Вещное право. М., 1896 - 1897.

Гегель. Наука логики. Т. II // Соч. М., 1939. Т. VI.

Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958.

1 №6.

Генкин Д.М. Некоторые вопросы теории права собственности // Учен. зап. ВШУН. М., 1959. Вып. 9.

Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961.

Гольмстен А.Х. Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву // Юридические исследования и статьи. Спб., 1894. Т. 1.

Гражданское право / Под ред. М.М.Агаркова и Д.М. Генкина. М., 1944. Т. 1.

Гражданское право / Под ред. П.Е. Орловского и С.М. Корнеева. М., 1969. Т. 1.

Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. М., 1993. Т. 1.

Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. М.) 1993. Т. II.

Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого и А.П. Сергеева. Спб., 1996. Ч. 1.

Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 2.

Гражданское уложение. Проект / Под ред. И.М. Ткярюмова. Спб., 1910. Т. 2.

Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л, 1981.

Грибанов В.П. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник МГУ.

Серия XII. Право. 1968. № 3.

Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972.

Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. Спб., 1907. Вып. 1.

Гуляев А.М. Русское гражданское право. Спб., 1911. Гурвич М.А. Право наиск. М.; Л., 1949.

Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950.

Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976.

Гурвич М.А. Правонаиск. М., 1978. Дербург Г. Пандекты. Обязательственное право. М., 1900.

Дербург Г. Пандекты. Т. III. Обязательственное право. М., 1904.

Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. М., 1965.

Егоров Н.Д. О понятии субъективного права // **Правосубъектность** по гражданскому и хозяйственному праву. Л., 1983.

Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений. Л., 1986.

Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // **Юридические** гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. Вып. 1.

Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966.

Иванов А.А. Вещное право // Правоведение. 1992. № 1.

Иоффе О.С. Правоотношение по советскому **гражданскому праву**. Л., 1949.

Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957.

Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л., 1958.

Иоффе О.С., **Шаргородский М.Д.** Вопросы теории права. М., 1961.

Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л., 1974.

Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. Иоффе О.С. Развитие **цивилистической** мысли в СССР. Л., 1978. Ч. II.

Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. **Е.А. Флейшиц** и **О.С. Иоффе**. М., 1970.

Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., 1995.

Кондаков **Н.И.** Логический словарь-справочник. М., 1975.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 1914.

Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.

Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4.

Крашенинников **Е.А.** К вопросу о структуре субъективного права // Актуальные философские проблемы современной науки и техники. Ярославль, 1986.

Крашенинников **Е.А.**, **Бутнев В.В.** **Кучению** о праве на иск // Методологические вопросы теории правоотношений. Ярославль, 1986.

Крашенинников **Е.А.** Право на защиту//Методологические вопросы теории правоотношений. Ярославль, 1986.

Крашенинников **Е.А.** К учению об исковой давности // Материально-правовые и процессуальные средства охраны и защиты прав и интересов хозяйствующих субъектов. Калинин, 1987. С. 55.

Крашенинников Е.А. К учению о гражданск правовых обязанностях // Вопросы теории юридических об **занностей**. Воронеж, 1988.

Крашенинников Е.А. Замечания по статье 83 Г РСФСР // Проблемы совершенствования законодательства **правоприменительной** деятельности. Владивосток, 1988.

Крашенинников **Е.А.** Право на иск // Проблем совершенствования законодательства о защите **субъективнь** гражданских прав. Ярославль, 1988.

Крашенинников **Е.А.** Гражданско-правовые пр **л тязания** // Вопросы совершенствования правоприменител **л ной**

практики гражданского и трудового законодательства Вильнюс, 1989.

Крашенинников Е.А., Шевченко А.С. Охранительные правоотношения и защита гражданских прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защите Владивосток, 1989.

Крашенинников Е.А. Структура субъективных права // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990.

Крашенинников Е.А. Цессия виндикационной притязания // Построение правового государства: вопрос теории и практики. Ярославль, 1990.

Крашенинников Е.А. Виндикационное притязание и право собственности // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности. Минск, 1990. Вып. 4.

Крашенинников Е.А. Содержание относительных субъективных прав // Проблемы повышения качества и эффективности правовой деятельности. Омск, 1990.

Крашенинников Е.А., Лисова Т.Н. Вопросы теории субъективных прав // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990.

Крашенинников Е.А. Охраняемый законом интерес и средства его защиты // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991.

Крашенинников Е.А. Регламентация защиты гражданских прав в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации. Ярославль, 1993.

Крашенинников Е.А. Защита гражданских прав по проекту Гражданского кодекса РФ // Проблемы совершенствования гражданского законодательства России. Ярославль, 1993.

Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, 1995.

Крашенинников Е.А. Ценные бумаги на предъявителя. Ярославль, 1995.

Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997.

Кротов М.В. Обязательственное право // Правоведение. 1992. № 1.

Курылев С. В. О структуре юридической нормы // Тр. Иркутского ун-та. Иркутск, 1958. Т. XXVII. Сер. юрид. Вып. 4.

Магистин Я.М. Советское хозяйственное право. Л. 1928.

Маковский А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 1995. № 4.

Минасян А.М. Диалектический материализм. Ростов н/Д, 1972.

Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.

Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. М., 1992.

Мотовиловкер Е.Я. Право требования и интерес // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990.

Мусин В.А. К вопросу о соотношении гражданской правоспособности и субъективных прав // Вестник ЛГУ. 1964. № 17. Вып. 3.

На философском семинаре юридического факультета Ленинградского университета // Правоведение. 1958. № 2.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

- Новицкий И.Б. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства // Советское государство и право. 1947. № 7.
- Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950.
- Новицкий И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., 1951.
- Новицкий И.Б. Римское право. М., 1993.
- Певзнер А.Г. Понятие гражданского правоотношения и некоторые вопросы теории субъективных гражданских прав // Учен. зап. ВЮЗИ. М., 1958. Вып. V.
- Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961.
- Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Спб., 1900. Вып. 1.
- Покровский И.А. История римского права. Спб., 1913.
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917.
- Попондопуло В.Ф. О понятии обязательств по советскому гражданскому праву // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987.
- Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. М., 1874. Т. 1.
- Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Л., 1928. Вып. 1.
- Райхер В.К. Новая роль кредитора в советском социалистическом праве // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957.
- Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Л., 1958.
- Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1994.
- Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М., 1972.
- Садиков О.Н. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства между государственными предприятиями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953.
- Сальковский К. Институты. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев, 1910.
- Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1996.
- Симолин А.А. О возмездии отчуждении и приобретении вещей в собственность // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М., 1915.
- Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1914. Вып. 1.
- Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1914. Вып. 2.
- Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М., 1991. Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Уфа. 1993.
- Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Чебоксары, 1997.
- Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973.
- Толстой В.С. Проблемы исполнения обязательств по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 1976.
- Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955.
- Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.

Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962.

Трепицын И.Н. Гражданское право губерний царства Польского и русское в связи с проектом Гражданского уложения. Общая часть обязательственного права. Варшава, 1914.

Флейшиц Е.А. "Абсолютная" природа права собственности // Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962.

Фрезе Б. Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912. Ч. 1.

Хвостов В.М. История римского права. М., 1919.

Цыбуленко З.И. Сотрудничество социалистических предприятий при исполнении хозяйственных обязательств. Саратов, 1988.

Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.

Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

Чиларж К. Учебник институции римского права. М., 1906.

Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.

Шевченко А.С. Об основаниях возникновения гражданских охранительных правоотношений // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль, 1988. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912.

Вып. 3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права, 10-е изд. М., 1912. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.

Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1949. Т. 1, полутом 1.

Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1, полутом 2. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Гражданские правоотношения и их структурные особенности. Свердловск, 1975. Alias C h. Le droit civil. Paris, 1984. Aubry C., Rau C. Cours de droit civil fran[^]ais. Paris, 1869. Bierling E.R. Zur Kritik derjuristischen Grundbegriffe.

Gotha, 1883. Teil II.

Carbonnier J. Droit civil. Paris, 1955. Т. 1. Colin A., Capitant H. Cours elementaire de droit civil francais. Paris, 1923. Т. 1.

Dernburg H. Pandekten. Berlin, 1886. Bd. II. Dupichot J. Le droit des obligations. Paris, 1978. Enneccerus L., Kipp Th., Wolff M. Lehrbuch

des bu[^]gerlichen Rechts. Marbuig, 1926. Bd. 1. Abt. 1. Flour J., Aubert. J-L. Droit civil. Les obligations. Paris, 1975. Т. 1.

Gierke O. Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895. Bd. 1. Kohler I. Annahme und Annahmeverzug // Jahrinicher fin-die Dogmatik des heutigen romischen und deutschen Privatrechts.

1879. Bd. XVII. Kohler I. Lehibuchdes Burgerlichen Rechts. Berlin, 1906.

Bd+. 1. Leonhard F. AUgemeines Schuldrecht des BGB.

Munchen und Leipzig, 1929. Bd. 1. Medicus D. AUgemeiner Teil des BGB. Ein Lehrbuch.

Heidelbeig, 1988.

This document was created by Unregistered Version of Word to PDF Converter

Oertmann P. Zur Struktur der subjektiven Privatrechte // Archiv für die Civilistische Praxis. 1924. Bd. CXXIII. Planiol

M. Traite elementaire de droit civil. Paris, 1948.

T. 1.

Regelsberger F. Pandekten. Leipzig, 1893. Bd. 1. Schemer K.O. BGB- AUgemeiner Teil. Munchen, 1995. S ohm R. Der

Begriff des Forderungsrechts // Zeitschrift für

das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart. 1877. Bd. IV. S ohm R. Die subjektiven Rechte im deutschen

Bürgerlichen

Gesetzbuch // Jahrbuch für die Dogmatik des bürgerlichen

Rechts. 1923. Bd. LXXIII. Tuhr A. Der AUgemeine Teil des deutschen bürgerlichen

Rechts. Leipzig, 1910. Bd. 1. Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Frankfurt

a. M., 1891. Bd. 1.